

The background of the book cover features a vibrant rainbow arching from the bottom left towards the top right. Below the rainbow is a landscape with rolling green hills and a dense forest of dark green trees under a clear blue sky.

ВИКТОР СОЛОМАТОВ

СВЕЧЕНИЕ

Виктор Соломатов

СВЕЧЕНИЕ...

СТИХИ

Хайфа-2015

Борис Матф

СВЕЧЕНИЕ

Свечене старых брёвен в темноте
и светляков мигающие пляски,
лучины луч

мне помнится, как те,
прабабушкой рассказанные сказки.
А дальше – больше:

робкий свет свечей,
интимного окраса абажуры.
Казарма. Дальний свет твоих очей,
накал неровный лампочки дежурной.
Свечене белых в крапину стволов,
тепло костров лохматых, свет их зыбкий,
хрустальный блеск торжественных столов
и тихий, ровный свет твоей улыбки.
И солнца ярь, и мёртвый блик луны,
зимы смерканье, жёлтый сполох лета,
свет осени то ярок, то уныл,
весеннее свечене мокрых веток...
Вот так всю жизнь сопровождал меня
тот разный свет в пути по белу свету,
нельзя прожить мне без него и дня,
и выше света – счастья в свете нету.
Когда придёт, а он придёт, тот час,
который близким станет в огорченье...
Хотелось бы, чтоб памятью о нас
навек осталось лишь одно –

Свечене!

Друзья студенческой
юности: Виктор
Соломатов, Борис
Тёплицкий, Анатолий
Жабин

Александра Ким –
Кимушка

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

ОТ ВОСТОКА
ДО ВОСТОКА...

Сначала было Слово. А потом появились слова. А потом появились Поэты, которые напишут стихи и наполнят ими этот Божественный мир. И люди, которые прочтут эти творения и поймут их. И каждый увидит свои вольные или невольные грехи, умыщленные или неумышленные – и постарается очиститься, замолить их, стать выше и чище. Такова волшебная сила поэтического слова. Такова волшебная сила Поззии.

Виктор Соломатов – один из таких волшебников слова, который хочет своим творчеством сделать нашу жизнь «видимой» – и делает это блестяще. Трудно говорить о своём старинном друге, которого знаешь «вдоль и поперёк» и который в своих стихах сказал о себе больше, чем написано о нём в многочисленных рецензиях и очерках, которые почти ничего не прибавляют и

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

не убавляют. Но есть нечто, чего не знает никто. Сказать ли сразу главное? Он любит, когда его читают. И слушают...

...Так вот, дружество наше началось более полувека тому назад в нашей *alma mater* – Хабаровском государственном педагогическом институте, куда нам посчастливилось поступить, несмотря на кошмарный конкурс. Пятидесятые годы – время кратковременной оттепели. Это был маленький глоток свободы, по выражению Виктора, который можно было и не закусывать... Но мы не заметили, когда стало подмерзать – и закручивание гаек началось с нашей братии – небольшой группы «филолухов», уж извините, самых заметных студентов среди самых отборных. Свой творческий потенциал мы реализовывали в стенной газете «Картофелиада», что было расценено как...самиздат. Мы не были диссидентами, и никто со строем бороться не собирался, но не хотели идти туда, куда разрешат и позволят читать только то, что позволят. И Виктор был одним из наших «идеологов» и «мудрецов»...

Ах, молодость, молодость! Незабываемые годы. Мы часто собирались по вечерам, спорили до хрипоты, читали «запрещённых» поэтов. А кто только ни бывал в гостеприимной квартире Надежды Петровны, светлой памяти, матери Соломатова?! А наш писательский кружок, то есть

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

посиделки в гостях у Риммы Казаковой, «сосланной» тогда в Хабаровск?! Молодые стихотворцы и прозаики – начинаяющие и маститые – приносили свои творения на наш суд, который был строг, но справедлив. А встречи в доме моего отца с уже известным поэтом Леонидом Завальнюком, где мы впервые «сыграли» в буриме?! Вспомнилась первая строчка авторства Соломатова:

Козе доверили лесок.

Я сидел рядом и оказался вторым:

Лесок козе доверили.

Третьим стал Леонид:

Коза в лесочек эхом – скок... и так далее.

В общем, получилась целая поэма про козу...

К сожалению, тогда и в мыслях не было, чтобы всё сохранить для «потомства»: молодо-зелено. Утеряно многое безвозвратно, исчезло в старых пропавших блокнотах. А жаль!

Любили повеселиться, конечно выпивали... по чуть-чуть..., готовили глинтвейн, бывали напитки и покрепче. Что это было за счастливое время!

Помню, сидим втроём: Толя Жабин, светлая память, я и Витька, ждём моего отца после спектакля. До сих пор не могу забыть, как Соломат торжественно встретил его и попросил сыграть что-нибудь для нас... А потом появились эти, поистине эпохальные стихи. Я всегда плачу, когда их читаю:

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

*Вот дядя Юра скрипку достает
Из черного потертого футляра,
Ее освобождает от футляра...
Еще чуть-чуть – и скрипка запоет.*

*Та скрипичка, как девушка, стройна.
Янтарно-золотистою южанкой
Вошла в каморку, где отподь не жарко,
И разом обогрела всех она.*

*Вот дядя Юра скрипичку берет,
А мы «стипёху» нынче получили,
И нам плевать пока, какой там в Чили
Переворот.
У нас-то – разворот.*

*Еще чуть-чуть – и скрипка запоёт,
И кровь быстрее побежит по венам,
И в буйном вальсе закружится Вена,
И «Чардаш» Монти душу всколыхнет.*

*А за окном февральской выюги плач,
А мы сидим посередине века
Минувшего.
Три юных человека
И вместе с нами старенький скрипач.*

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

*Мы жизнь не отмеряем на сто лет,
Но запах шкварок, чеснока и перца,
Сказать по чести, согревает сердце
И зато тепл граffинчик на столе.*

*И мы еще не знаем, что нас ждет
Там, за чертою зыбкой горизонта,
Спонтанно рассуждаем, не резонно
И водку пьем...*

А скрипичка поёт...

... А недавно нам удалось вызвать на откровенный разговор «подругу дней наших суровых» Александру Ким, ласково именуемую Кимушкой, лирика которой воспринималась тогда слишком смелой. Сейчас она живёт в Сеуле и мы, спасибо компьютеру, общаемся виртуально. Виктора она считает главным поэтом тогдашней нашей компании.

— Да и сегодня нет ему равных. Я счастлива, что будет Вилькина книга и буду с нетерпением ждать её. Пришли мне первой.

Но всё же мне хочется сейчас повспоминать. Кажется, только вчера виделись.

... Утром, всего каких-то три часа назад, это было ещё снегом, но к полуночи снег под жаркими лучами солнца растаял до состояния кашни, которая разъезжается под ногами, и местами

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

то тут, то там проступает талая вода, а кое-где становится виден обнажившийся асфальт...

А какое чистое небо над головой! И в этом идеально безоблачном небе сияет ослепительное солнце... И неважно, что с Амура во всю задувает свежий ветер и от холода пробирает дрожь – всё равно в воздухе чувствуется близость весны...

Мы с Витькой идём куда глаза глядят, вернее, в сторону Амура, в ЦПКО – Центральный парк культуры и отдыха.

Из всех неожиданных наездов в Хабаровск во время его службы в армии мне запомнился, врезался в память до мельчайших подробностей именно этот. Он приезжал, переполненный стихами, находил меня и тащил на улицу – читать новые стихи...

Почему мне? Да потому что к тому времени из нашей братии в городе оставалась я одна – всех остальных смело могучим ураганом.

Я воспользовавшись словом «братия», но только потому, что не смогла найти точного определения для нас, небольшой группы студентов филфака, которые как бы нашли друг друга во время своей последней «картофелиады»...

Вспоминается пушкинское «Друзья мои, прекрасен наш союз!»

Ну что тут сказать... По сути, это, вроде и о нас, но... слишком пафосно для середины двад-

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

целого века, да и уборка картофеля в грязь, под
моросящим дождём, просит других эпитетов
попроще... А так да, всё четверостишие, от
начала и до конца, именно о моих друзьях:

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда бы ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина,
Отчество нам Царское Село.*

Мы не учились с Пушкиным в Царскосельском лицее, но мы все писали стихи, любили поэзию, жили и дышали ею, и в этом смысле пушкинское Царское Село было и для нас отечеством, колыбелью поэтов, ГНЕЗДОМ...

Начиная с того, что неслучайно судьба свела нас со всего света в одно место...

А в тот февральский день я монтировала в аппаратной свой очередной репортаж для краевых известий, когда в дверях возникла Витькина физиономия.

Да простит мне Виктор Иванович Соломатов, поэт и переводчик, член Союза писателей России, автор поэтических сборников «Росинка»,

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

«Кочевье», «Отчество», «Складень», «Избранное» и других – столь фамильярное обращенье. Но что тут поделаешь? Это сейчас обзавелся он солидной бородой и рокочущим баском с барскими интонациями, а полвека назад Виктор Иванович частил мальчишеской скороговоркой. Вот этот Витькин мальчишеский имидж вместе с репутацией драчуна и забияки плохо вязались с его невероятной страстью к сочинению стихов, словно это были два разных человека.

Один фонтанировал яркими метафорами, погружая глубиной мыслей и переживаний, а другой простодушно предавался гусарским забавам. Вот где гусеница и бабочка являли собой как бы единое существо!

...В парке мы забрели в дальнюю аллею. Между деревьями петляла, ослепительно сверкая на солнце, отполированная скольжением лыжня. Здесь снег хорошо сохранился. Ветер раскачивал голые ветки деревьев.

Удивительно, что столько впечатлений оставил тот поход к Амуру. Мы же не смотрели по сторонам и, казалось, ничего не замечали вокруг. Но каким-то таинственным образом я до сих пор отчётливо помню эти раскаивающиеся на ветру голые ветки деревьев и на фоне ясного чистого неба – одиночное гнездо, которое вызвало у меня чувство какого-то жуткого сиротства.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

*А недавно ты, мой друг, прислал мне очень
дорогой подарок – сборники витковых стихов.
И вот читаю:*

ГНЕЗДО

*Каким-то чудом держится одно
Гнездо среди заледенелых веток,
Когда-то пухом устланное дно
Январь подмёл, взлохматил стенки ветер
Распахнутое в жалкой наготе –
Всё напоказ в нём, все углы наружу:
Оставленное.
Я бы не хотел
Вот так же
Встретить снег, и ветр, и стужу
И всё же почему несём мы вздор?
Зачем в тупом каком-то ослепленье
Упорно говорим о нём:
«Гнездо» –
Не пук травы
И не ветвей сплетенье?..*

*Невероятно!
Неужели и он в те же мгновения заметил то
гнездо и пережил те же эмоции?*

*Тема ГНЕЗДА, тема ДОМА, ОТЕЧЕСТВА при-
существует чуть не во всей его поэзии. Он умеет*

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

видеть то, чего другие поэты не замечают. Нету дурного тона в стихах, и слова повинуются ему, как оркестр дирижёру. Это великое дарование. Это великий талант. Я заворожена его стихами, их естественностью и простотой. Виктор – совершенный поэт.

Есть у него очень трогательное стихотворение «Клесты»:

*В январских гнёздах пустота и стынь,
И с каждым днём в лесу с кормёжкой хуже.
Всё сущее таится. Лишь клесты
Птенцов выводят в пору лютой стужи.*

*Морозы гвозди кренкие куют.
Занозой острой гвозди эти в теле.
Но дети – радость.
И клесты поют.
Синхронно подпевают им метели.*

*Когда в душе сумбур и неуют,
И сердцу так успокоенья надо,
Я в лес иду. А там клесты поют
Средь белого безмолвия и хлада*

*Снега чисты как белые холсты.
Как мудро всё устроила природа!
Прекрасен мир, коль в нём поют клесты,
Восславив песней продолженье рода.*

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

...Он позвонил мне из Израиля, поздравил с юбилеем. Оттуда же, из Израиля, было ещё много звонков от друзей моей студенческой юности, моих братьев по гнезду, из которого мы, как птенцы, разлетелись по всему свету. Но я всех вас помню и люблю...

...Как говорят, Востоку и Западу вместе не быть, а вот Восток Дальний и Восток Ближний, как оказалось, сходятся друг с другом. Для Виктора Соломатова, русского поэта, конечно же, родина там, где родился, где всё своё, родное, близкое. И он тоскует. Прошлое – в России. Нынешняя жизнь – в Израиле, в стране иной реальности, постоянно сопряжённой с ностальгией, не даёт покоя, тревожит: сердце его там, а здесь удивление и своего рода умиротворение. Чувство ностальгии не покидает его всё время: о чём бы ни писал – без России никогда не был. Вот потому и лирика его исповедальная. Никакой напыщенности. Ничего лишнего. Пишет и мыслит по-русски – широко, откровенно.

И, к счастью, всё продолжается. С переменой места жительства не потерял своё вдохновение и страсть к сочинительству, умение видеть прошлое в настоящем, заглянуть в будущее и не всё принимать на веру. И как в годы молодости, так и сегодня Виктор следует своей философии,

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

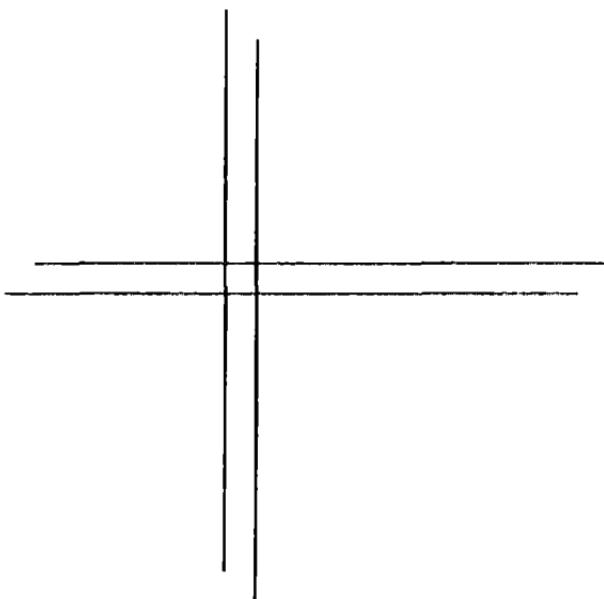
заявляя, что нигде в мире нет чужой страны и «головсюду одинаково для людей можно поднять глаза к Небу». Впору назвать его космополитом, гражданином мира, хотя когда-то в Союзе это было небезопасно. Получается, что он никуда и не уезжал...

Борис Теплицкий

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

ГЛАВА 1

ОТЧЕСТВО

С мамой Надеждой Петровной и прабабушкой Аганей,
1950 г.

С женой Галиной и сыном Иваном, 2014 г.

ОТЧЕСТВО

Отчизна,
Отечество,
отчество –
Любовь моя неистребимая.
Кукушечки в рощах пророчества,
Над степью круги ястребиные...
Живёт во мне запах пшеницы,
Кедровника крепкий настой,
И поклики вспугнутой птицы,
И голос жалейки простой...
И сладко сжимается сердце
От светлой, щемящей любви
К земле, где прошло моё детство
И юные годы мои.
Взрослели мы трудно и рано,
И думаю, что неспроста
Нет в нашей породе Иванов
Из тех, что не помнят родства.
А я вспоминать не устану –
И память года не сотрут –
Отца, что назвали Иваном,
И мать, что Надеждой зовут.

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

A. Жабину

Нам выпало взрослеть в пятидесятых –
То этого нехватка, то – того.
Приметил я: слегка сутуловаты
Мужчины поколенья моего.
Мы горбились за низенькими партами
И, помнится, всегда хотели есть.
Раненько спознавались мы с лопатами.
Тут не до жириу. Уж какие есть.
Какие есть. Судьбою не задарены,
Мы свой полусиротский крест несли,
Но среди нас росли уже Гагарины
И Шукшины с Высоцкими росли.

КОГДА-НИБУДЬ...

Когда-нибудь я соберу стихи,
Отвергнутые ранее
И в книги
Мной не поставленные, преданные мной,
В угоду тем стихам, что обрели
Читателей
И даже, может статься,
Немногих почитателей своих –
Я соберу их под одной обложкой.
И мне совсем не нужно будет рыться
Для этого в бумагах порыжелых:
Стихи те в сердце у меня живут.
И все, кому моё знакомо имя,
Прочесть их смогут –
То-то удивятся!
Ещё, пожалуй, могут не поверить,
Что это я такое написал.
Ведь те стихи, что «зарубил» редактор,
Что не пришлись по нраву рецензентам
И консультантам в фирменных очках,
Как говорят у нас, «не показались», –
Они и есть поэзия моя.
Не отрекусь от тех, что напечатал
Я ранее.
И в этой книге тоже.
Но те, что за бортом её остались,

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

Они и есть то главное
Моё!

Когда-нибудь их в книгу соберу я,
И все тогда увидят то, чего
Всем сборникам моим недоставало...
Пять-шесть стихов, что «зарубил»

редактор,

Два-три, что «забодали» рецензенты
И консультанты в фирменных очках.
И то одно, написанное мною
В тот час, когда я как поэт родился,
И до сих пор нигде и никогда
За много лет ни разу не печатал.
Невелика объёмом будет книжка.
И назову её я без претензий,
Неброско так и простенько:
«СТИХИ»

СВЕЧА ПАСТЕРНАКА

Немалые годы
нам светит из мрака
в любую погоду
свеча Пастернака.

Сквозь боль
и невзгоды,
сквозь сумраки лет
доходит
её немигающий свет.

То пела метель,
то звенела капель,
то грохот победный,
то горечь потерь.

Лавиною беды
летели на нас,
но трепетный
тот огонек не угас.

Планету пожар
мировой раскачал,
но ровно и чисто
горела свеча.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

Я знаю – есть люди,
Что мыслят иначе.
Им на дух не надо
стихов Пастернака.

Но он и рассчитан
на тысячи лет,
поэзии истинной
пламень и свет!

ПОРТРЕТ

Галине Гансовне Мазуренко

Комком осклизлой первородной глины
В тазу моя лежала голова.
И белизну январскую эмали
Марали пятна бурые, как кровь.
«Начнём»,— сказала скульпторша спокойно,
Давя о край стола окурок «Примы».
Начнём. И непонятная тревога
Рукой холодной прикоснулась к сердцу.
Как шоры с глаз, упали с окон шторы,
И свет удариł ливнем в мастерскую.
И оглушенный, и прибитый этим
Потоком ослепляющего света,
Я стал не я. Она меня лепила,
Как некогда Создатель человека.
В портрете том себя не узнавая,
Глядел я на себя со стороны.
Я был не тот, к которому привыкли
Друзья мои, моя жена и сын —
Художница работала, устало
Мешающий ей локон поправляя
И крепко сигарету прикусив.
А дым, что верткой голубою змейкой
Полз к горлу моему, ужалить целясь,
Её, как видно, тоже беспокоил,

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

И всё она отталкивала змейку,
И что-то поправляла и скоблила,
Почти совсем не глядя на меня.
Давно то было. А портрет купили.
Он выставлен теперь в каком-то клубе,
Где мне, пожалуй, и не побывать...
А я всё помню голубую змейку,
Увертливо стремящуюся к горлу
Ещё не завершенного портрета,
И руку, отгоняющую гада,
И скульптора суровое лицо.
Лицо творца. Такие лица видел
Я у друзей своих, увы, нечасто.
Быть может потому, что вдохновенье
Всё реже на порог приходит наш?
И мы не можем разглядеть друг друга
Под ворохами всяческих одежд,
В которые, вообще-то добровольно,
Мы кутаем подчас не тело – душу...
А в мраморе я свой портрет не видел,
Но знатоки твердят, что он – удача,
Хоть внешне на меня и не похож!

* * *

Что занесу в свой жизненный актив?
Ис то ль, что «вражьих голосов» не слушал,
Что формула: «суров, но справедлив»
Мне сладкой ложью долго грела душу?
А может, то, что в дружный «одобрям-с»
Я не спешил вплести свой скромный голос?
И не пускался в общий перепляс,
Хоть то, чего хотел, увы, кололось.
Но если б время повернуло вспять
И юность возвратила мне природа,
То всё равно не смог бы я понять,
Как может быть народ врагом народа.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

КОЛОДЕЦ

Вот беру я кирку и лопату
И упрямую землю долблю –
Как зерно молодое лопачу,
Как чурбак толстокорый колю.
Зарываюсь в неё я по плечи,
С головой я в неё ухожу.
А вода-то,
вода-то далече,
Я не скоро её угляжу.

Но когда вдруг забренькает ключик,
Пробиваясь на свет меж камней, –
Ничего нету слаще и лучше
Горьковатой воды, но своей!

Отчество

* * *

Утверждались идеалы –
На века – не на года.
Всё бывало в небывалом
Царстве вольного труда.

Шли мы, обгоняя сроки,
К идеалу своему.
А поэты и пророки
Обживали Колыму.

Ссылки, тюрьмы, поселенья –
За «колючкой» вся страна.
Но на душу населенья
Вырос выход чугуна.

В обрамленье стягов алых
Всем знакомое лицо.
Утверждались идеалы
Кровью,
словом
и свинцом.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Уж сколько раз меня на компромисс
Толкала жизнь. То жала, то ласкала,
Начальственно басила: «Подпишись!»
Шептала: «Плюнь!» – и нежно целовала.

Но как бы дальше трудно ни пришлось,
А всё же жить по-прежнему я буду.
Поскольку твёрдо знаю, что Христос
Не продан был. А куплен был Иуда.

ТАК ЖИВЕМ

Смех, ребята,
А только ведь так и живем —
Подопьём
И на кухнях крамолу поём.
И обзор из окошка — весь наш окоём,
И ни проблеска
В небе полночном моём.
А мечталось-то жизнЬ нам
Иначе прожить: сад взрастить,
Дом поставить и песню сложить.
И порывов души
Не тушить, не душить,
Чтоб о днях уходящих
Нешибко тужить.
Ан, не вышло!
Того замотали дела,
Тот себя самого
Размотал на «ла-ла».
В небе
Лунный пятак раскалён добела.
До чего ж, жизнЬ-жизнёнка,
Ты нас довела?..
Подопьём —
И на кухнях крамолу поём.
Смех, ребята!
А только ведь так и живём.

БАЛЛАДА О СЛУЧАЕ В ОЧЕРЕДИ ЗА ВИНОГРАДОМ

По осени в неуожном городке
Заморским виноградом торговали.
Насквозь светились гроздья на лотке,
И друг за дружкой граждане вставали.
Неторопливо очередь текла.
В ней чинно толковали о погоде,
О том, что нету прежнего тепла,
И о других явлениях в природе.
Беседа, словно очередь, вилась,
Проворно управлялась продавщица,
Но вдруг вся эта благость взорвалась
И рыла обозначились сквозь лица.
К прилавку старый подошёл солдат,
Сквозь очередь с достоинством шагая.
Протез руки он нёс, как автомат,
Привычно от толчков оберегая.
И, видно, помнить мне всю жизнь свою,
Как молодая женщина кричала:
— Куда ты?! Я с ребёнком, а стою!
Участнички! Житъя от вас не стало!
И как себя сдержать достало сил —
Не знаю, как уж выдержали нервы,
Когда сопляк плечистый пробасил:
— Свали, дедок. Теперь не сорок первый...
Солдат ушёл. Свой виноград унёс,

А сердце всё покоя не находит,
 Всё мучаюсь – откуда что взялось?
 Сограждане, что с нами происходит?
 ...как куст полыни на глухой обочине,
 Поры военной паечка горька, –
 Озлобленность, озабоченность
 Очередей у хлебного ларька.
 Ах, очередь! То яростно скандалына,
 То обречённо тихая, как грусть,
 Бывал я в ней «последним»,
 был и крайним,
 А в доме – щи пусты и суп не густ.
 Гляжу сквозь годы в эту даль прозрачную,
 Уже шестой десяток разменяв,
 И вижу, как число четырёхзначное,
 Всплывает на ладони у меня.
 Я – тыща первый. Номера повыше
 У тех, кто за моей спиной стоит.
 Голодной дрёмой очередь колышет
 И спит она, и вроде бы не спит.
 Строги тут нравы. Фразы не отточены.
 Тут друг за другом намертво стоят.
 Но раздвигалась, ужималась очередь,
 Когда к ларёчку подходил солдат.
 Старухи сторонились виновато,
 И бабы опускали вниз лицо.
 Он был для них сыночком, мужем, братом,
 Для нас, мальцов, – воюющим отцом.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

Воспоминанья юности туманны,
Но чётко вижу я в конце концов, —
Голодные, мы были погуманней
Сегодняшних закормленных юнцов.
Отцы не все, по счастью, в землю лягут
И победят, пройдя кровавый ад,
Так пусть нам будет горше волчьих ягод
В такую цену взятый виноград...

МЕДАЛЬ

Люблю я встречи ветеранов,
когда огни вокруг горят,
когда с подмостков и экранов
сверкает золото наград.
Люблю послушать их беседы,
в которых громыхает сталь...
А вот у моего соседа
за всю войну – одна медаль.
Дружки лежат в могилах братских:
От Бреста к Волге и в обрат,
И в День Победы по-солдатски
он поминает тех ребят.
Он пьёт и водочку, и брагу,
слуша душевный непокой,
и гладит надпись «За отвагу»
своей единственной рукой.

СТАРЫЙ ФИЛЬМ

В колхозном клубе крутят «Трактористов»,
и ветеран — слеза из-под очков —
глядит, как пляшет на экране мглистом
совсем ещё молоденький Крючков.

Прошёл солдат с дружками
путь не близкий,
война под корень всех почти свела —
их имена на скорбном обелиске,
стоящем нынче посреди села.
Они уже давно легендой стали:
тот пал в бою, а тот от старых ран...
«Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин», —
Забывшиесь, шепчет в зале ветеран.

СЕСТРЁНКА

— Сестра! — зовёт солдатик раненный,
уж больно жалостно зовёт!..
А за окошком утро раннее
и май сиреневый плывёт.
И тишина. Не рвутся мины,
не воет в воздухе фугас...
А тот, последний, был не мимо —
и свет в очах его погас...
— Сестричка! — он зовёт. — Сестрёнка!
Как наступление идёт? —
Сестричка всхлипывает тонко,
воды солдату подаёт.
И всё подушку поправляет
движеньем ласковым она.
И что-то ей сказать мешает
ему,
что кончилась война.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

В ТОТ ДЕНЬ

В тот день
со злыми запахами боя
перемешался жизни сладкий запах.
Пел жаворонок
над сожженным полем,
цвела сирень, и наши шли на запад,
и робко утру улыбались дети,
и майский гром мешался с канонадой...
И, утверждая мир на всей планете,
цвела сирень в разбитых палисадах.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

*Александру Абрамовичу Дракохрусту,
участнику штурма Берлина*

Невзгоды все,
потери,
муки,
беды
в нас не убьют предчувствия Победы!
Она придёт –
то было нам известно,
когда дрались мы в цитаделях Бреста
и, на восток пыля Полтавским шляхом,
прорвались мы знамя над рейхстагом.
«Живым и павшим будет то наградой, –
шептали мы в окопах Сталинграда, –
те, что дойдут, у врат Берлина встанут,
всех, павших за Отечество, помянут».
Торя сквозь топи и болота тропы,
мы думали о будущем Европы.
Невзгоды все,
потери,
муки,
беды
не выжгли в нас предчувствие Победы!

В редакции "Суворовского натиска" Виктор
Соломатов, Александр Дракохруст, Леонид Лиходеев
и другие сотрудники

ФЛЯГА

Этой фляжке – три десятка с лишком,
Истончился, вытерся металл, –
Из неё сосед, – тогда мальчишка, –
Мазельвейн на Эльбе распивал.
В День Победы он меня к обеду
Пригласит, чтоб чарку мне налить.
И горчит,
горчит вино Победы,
и ничем ту горечь не убить!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Заливает снимок
смертным воском
Время,
не щадящее бойцов.
Пропадает ракурсом неброским
взятое фотографом лицо.
Размывают
годы лик знакомый,
растворяя милые глаза...
Далеко ушёл солдат от дома.
Затяжна военная гроза.
Но на обороте и доныне
надпись несмыываемо цветёт:
«Мамочка! Родная!
Мы в Берлине.
Май. Победа. Сорок пятый год».

* * *

*Памяти друга детства
Гарисона Штогрина*

Мы росли без догляда,
без ласки отцовской –
саранча по чердымовским тучным садам.
Сторожа за отчаянность
звали нас «рокоссовцы»
и, не скрою, то прозвище нравилось нам.
Год, пропахший карболкой и
тыквенной кашей,
чётко помню,
дожив до морщин и седин,
был он славен победой,
потерями страшен...
В этот год по весне
наши взяли Берлин.

С друзьями детства Гарисоном Штрихиным и
Заурбеком Айдиновым. 1955 год

В редакции газеты "Суворовский натиск"
с Роальдом Добровенским (справа)

ПАМЯТЬ

Да разве ж это Гурченко поёт
нам песни с мельтешащего экрана?
То прошлое нас за душу берёт,
в котором мы взрослели слишком рано.

Всё слишком рано... Рано первый пот
и очень рано – первые мозоли.
Ладони так нам вспарывал осот,
что по ночам кричали мы от боли.

Навек запомним год морозно-грозный,
в который мы не отдали Москву,
и тот убогий урожай колхозный,
что собирали мы по колоску.

Узнавшие до срока цену хлеба,
мы карточки сжимали в кулаке.
И не мечтали о полётах в небо –
мечтали о Победе и пайке.

Сквозь годы песня за душу берёт,
и никуда от боли той не деться...
Да разве ж это Гурченко поёт?
Поёт войной украденное детство.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Люблю рассказы о лихих атаках,
Но душу наполняет мне тоской
Воспоминанье о фашистских танках,
Забуксовавших в трупах под Москвой.
Святые небеса!

Чего вы ждали?
Смогли стерпеть,
смотреть
 в конце концов,
как путь к Первойпрестольной преграждали
телами нецелованных юнцов?!

Отчество

* * *

Снега сорок первого
не белы,
 а черны
 от беды.
На них – алый отсвет
 пожаров и залпов.
Они точь-в-точь госпитальные,
 в ржавых потёках, бинты.
От них – удушающий
 режущий запах –
надежд и стремлений,
сожжённых живьём;
 кровавого пота...
Ровесник,
пока мы на свете живём,
помни
 снега
 сорок первого года.

В армии. 1956 год

9 МАЯ 1945 ГОДА В ХАБАРОВСКЕ

Мне в День Победы шёл девятый год.
Молекула великого народа –
Запомнил я, как ликовал народ
В Хабаровске, на площади Свободы.
У дорогих, ухоженных могил,
Где партизаны спят ещё с гражданской,
Народ пел песни, речи говорил
И снова к мирной жизни возрождался.
Толпа плясала, глухо гомонила,
Парням в шинелях воздавая честь,
И пусть наград у них не густо было, –
Нашивок за ранения не счесть.
Ещё придут другие, при наградах,
В Берлине завершив победой бой,
А эти под Москвой, под Сталинградом
Вчистую были списаны войной.
Сороковой Победе минута год,
Но всё яснее видится сквозь годы,
Как ликовал великий мой народ
В Хабаровске на площади Свободы.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

ВОПРОС

Жизнь проходит,
а, считай, не жил.
Пояс всё затягивал потуже,
Лез из кожи,
из последних жил
Всё тянулся,
чтоб других не хуже.
И шестой десяток разменяв,
Что имею, так сказать, в итоге?
Воз проблем
и кучу всяких прав.
В том числе и сдохнуть при дороге.
Но живу.
Вот даже и пою.
Но всё чаще глас в ночи я слышу:
«Ты на что потратил жизнь свою,
Щедро так дарованную свыше?»

* * *

Разожми персты.
Что в горсти?
Помыслы чисты,
хлопоты пусты
и на сердце стынь —
Больше ничего.
Только жгучий стыд.
Не теряй его!

БАЯН

Памяти А. Воробьёва

Сработанный любовно и на совесть,
Он тридцать лет хозяину служил,
Все годы ни о чём не беспокоясь,
Он в доме этом равноправно жил.

Он был прекрасен, как младенец утром,
Поющий неизвестно отчего.
Переливались блестким перламутром
Все пуговки и кнопочки его.

А сколько подзабытых ныне песен
Он наизусть без партитуры знал,
Им становился мир подлунный тесен,
Когда он их на волю выпускал.

Хозяин инструментом был доволен –
Он душу инструмента понимал,
Его он самолично чистил, холил,
А коли надо – то и врачевал.

И к лешему летели все резоны,
Когда он брал в урочные часы
Под правую – весёлые трезвоны,
Под левую – могутные басы...

Отчество

По жизнь порой бессмысленно жестоко
Под корень рубит планы и мечты.
Трёх сыновей осиротив до срока,
Хозяин лег под влажные цветы.

Остались вдовьи слёзы, бабьи ночи,
Как порожняк – темны и холодны,
Заботами забитые, короче
И суетнее сделались дни.

Земля вращалась. И, как прежде в мире,
Восход был ал, ну, а закат – багрян.
В его большой трехкомнатной квартире
На третью сутки вдруг вздохнул баян.

Не зазвучал, не пискнул.
Вздох был тяжким. –
Вздыхают так, рыдания давя.
Лицом уткнувшись в мужнину рубашку,
Заплакала смятенная вдова.

За окнами дождём шуршала осень,
И землю покрывал чеканный лист,
А вечерком, часов примерно в восемь,
В дом заглянул сосед, специалист.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

Зашёл «стрельнуть», как прежде, сигарету
И объяснил, дотошен и толков,
Что ничего такого в этом нету,
Что, мол, выходит воздух из мехов.

Что ж, всё имеет в мире объясненье –
Специалисту склонен верить я –
А, вот, на этот счет имею мнение:
Совсем иное мненье у меня...

* * *

Когда мы, в тумане метафор блукая,
С союзами «как» и «который» борясь,
Строку зачинаем, слова сочленяем,
Намёком прозрачным строфу начиняем,
Что всё означает – стихи сочиняем —
Мы тянем к сердцам человеческим связь.
И нас с первых строф, напечатанных где-то,
Уже величают печатно поэтом.
О сердце, зачем же не дрогнешь ты в нас?
Зачем не болиши и не бьешься тревожно,
Когда мы, зелёные, неосторожно
Всерьёз принимаем
Столь щедрый аванс?..

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Давно мечтаю сочинить стихи
о тишине,
что в полдень опадает,
когда так наши улицы тихи,
что слышно мне,
как бабочки летают,
и как растёт у старых стен трава,
и фантики гремят по тротуару.
А ярко-рыжий, солнечный трамвай
бесшумно мчит
к Амурскому бульвару.

Отчество

* * *

Кричим возбуждённо и истово,
Других и себя убеждая,
Мол, в спорах рождается истина.
Рождается.

Только какая?
В трясинах бездонных обмана
Тех истин, что звёзд в небеси,
Поскольку разгульно и пьяно
Прориццы живут на Руси.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Что счастье?
Мост ли золотой рассвета,
Чьё основанье – зыбкий горизонт?
А может – чувство ощущенья света,
Которое терять нам не резон?
А может быть оно –
желанный берег
мечтой рождённой
сказочной земли,
к которому мы, веря и не веря
в спасение, неистово гребли?
Иль тот родник с животворящей влагой,
к которому губами припадёшь,
и сердце наполняется отвагой.
И вновь живёшь.
И радостно поёшь!..
Всё счастье: крепкий кров
во дни ненастья.
Полёт и упоение в борьбе.
Вершины ж счастья –
это соучастье в судьбе друзей
и их – в твоей судьбе.

Отчество

* * *

Шагни за черту,
что тебя отделяет от рая,
а может, от ада.
Страх перечеркнув,
доверясь всесильному: «Надо!»
«А надо ль?» –
скребется мыслишка
полуночной мышкой.
Живи, как живёться –
не первым, но ведь и не лишним!
...Но тина застоя плавёт,
как осенние листья.
Бесшумно и мягко, как снег,
опадающий с крыши,
тебя засыпает, и ты
засыпаешь, неслышим...
И –
не-в-мо-го-ту!
Ничего-то на свете не мило...
Шагни за черту,
что тебя от тебя отделила!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Ах, осень в Приамурье! Для меня
Поры в природе не было милее.
Но вот опять я курс на норд меняю:
Мне журавли над пажитью пропели.
Пропели, прокричали, понесли
Они тоску мою по белу свету.
Мы в жизни все
потери понесли,
Но горшой для меня потери нету,
Чем жить вдали от тех суровых мест,
Где возмужал, окреп душой и телом...
Зачем стремимся мы на ост,
на зюйд,
на вест
И за кормой бросаем север белый?
Зачем уходим в тёплые края?
Ведь мы же люди,
Мы совсем не птицы!
Зачем меняем в небе журавля
На глупую домашнюю синицу?..

* * *

Пахнет свежестью вешней сырья земля.
Воздух чист и хрустально прозрачен.
И куда ни взгляни –
всё поля и поля,
Лишь зарей горизонт обозначен.
И на этих полях от зари до зари
Месят землю колеса и траки.
Агрегаты идут все в поту и в пыли,
Словно танки в последней атаке.
Хлеборобу великое счастье дано –
Нету доли почетней и краше –
В эту землю посеять весною зерно,
Чтобы нивами сделались пашни.
И услышать, как бьется и вьется, звеня,
Песнь весны меж землею и небом,
И вздыхает, и сладостно стонет земля,
Разрешившись от бремени хлебом.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Земля моя сурова и нежна.
Строга, как мать, и вместе – справедлива.
Как на духу признаюсь, что она
Дала мне всё,
чтоб быть вполне счастливым.
Дала уменье верным слову быть,
И круг друзей дала нерасторжимый,
И научила отчий край любить,
И дорожить единственной любимой.
Петь в радости,
в беде не вешать нос
И к сердцу принимать невзгоды друга.
Не отвечать вопросом на вопрос,
Не раскисать, когда придётся тухо.

«ПОЕХАЛИ!»

Когда холоп с крылами к колокольне
Пошел под ропот и тревожный гул,
Он, перед тем как прянуть ввысь, невольно
Извечное «Поехали!» шепнул.
Казненный, он не умер там, на плахе,
И вижу я сквозь времени гранит:
В портах посконных, в вышитой рубахе
Он за спиной Гагарина стоит.
Не зря же Юра, уходя в безбрежность,
Оставил за собой земной причал,
Как высшую земную неизбежность
«Поехали!» на старте прокричал.
«Поехали!» – и, словно в вёсны синие,
В простор своих степей и ширь полей
Рванулась к звездам матушка-Россия –
Отечество отважных сыновей!

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Стою один на берегу Амура.
Светло село –
в любом оконце свет.
А как тут было сумрачно и хмуро
лишь век назад –
всего-то сотню лет!
От светлой грусти некуда мне деться.
Она пришла и не уйдет сама.
Я вспоминаю тех переселенцев,
Что здесь срубили первые дома.
Что эту землю потом поливали,
Крутые обживая берега,
Стонали,
мерли,
мерзли
и хворали,
Но – отступила глухомань-тайга.
И ночевали под открытым небом,
Сживали вместе со свету нужду.
И вот уже тайга запахла хлебом –
Российским, испеченным на поду.
Их добрым словом помяни, Россия,
Тех мужиков,
что в дальние края
Свои сердца и души приносили,
Чтоб Русью стала дикая земля!

* * *

По стволам – водопроводным трубам,
Рокоча, идёт весенний сок.
Не махнуть ли нам с тобой, голуба,
За город, к природе – на часок?
Там, в лесу, где в тальники тугие
Кто-то нам тропинку проторил,
Я скажу тебе слова такие,
Что давным-давно не говорил.
Ты земли увидишь пробужденье,
Музыку услышишь тишины...
У природы нынче – день рожденья,
И на праздник мы приглашены!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

УЧИТЕЛЬ

*Светлой памяти первой
моей учительницы П.Д.Зубовой*

Прасковья Денисовна, вот уж и нет Вас
на свете.

Ох, и быстро ж растёт на могилах
Забвенья трава!

Я хотел написать, что Ваш образ
Сквозь годы нам светит,
Но душою вдруг понял, что всё это –
только слова.

Снова лужи подёрнулись
Зыбким ознобливым кружевом,
Жёлтый лист закружиł,
Как предвестник метелей и стуж.
Я теперь понимаю,
каково было бывшей бестужевке
Через всю-то Россию – в село Богородское,
в глушь.

От огней Петербурга – во тьму
бытовых неурядиц.
В жизнь, что грызть принялась Вас,
Как тощий гостиничный клоп.

Отчество

И упорно Вам «тыкал» тупой,
вечно пьяный урядник,
И анафеме предал
за стрижку короткую поп.

Суть учительства в том,
чтоб твой образ был ясен и светел,
чтоб любили тебя и стремились тебе
подражать.

«Богородскою мамой» в двадцатых
Вас звали нанайские дети.
Просто мамою выпало нам
Вас в лихую годину назвать.

Не люблю вспоминать лёд,
В чернильницах наших намерзший,
И затертый «Букварь», и заплатки,
и сахар-меляс...

Наши фрицев поперли!
В сводках пишут: бои уже в Польше.
В дни салютов улыбками светится
наш первый класс.

Я не знаю, откуда бралась в Вас
та светлая сила,
Как могли Вы в те годы
Учить нас всех жить – не тужить.
Вы, ещё в сорок первом потерявшая мужа
и сына,

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

Как смогли в наши души надежду и
веру вложить?

Прасковья Денисовна, Вас уже нету на свете.
Не возмусь для себя предсказать
Повороты дальнейшей судьбы,
Но – Учитель, Отчизна и Честь –
Я святые понятия эти ставлю в ряд
С той букварною прописью:

«Мы – не ра-бы!»

* * *

Вспоминаньем юности туманной,
Уже почти полузытым сном
Мне видится тот город деревянный
И те дома, пошедшие на слом.
На старом дубе – лист виолончельный,
В июне – тополиная метель,
В сентябрьском парке – влажные качели
И мартовской капели канитель.
Не узнаю знакомых переулков.
И памятных мне мест не узнаю.
Над площадью огромною и гулкой
Совсем другие голуби снуют.
И кажется, что здесь –
другое небо
Над городом. Не та в реке вода.
А город мой, как сказочная небыль,
Остался в детстве. В детстве – навсегда.

ВСЁ ПОТОМУ...

Пожары над тайгой отбушевали,
По топким марям рыжий пал прошёл.
И осенью мне думалось: едва ли
тут снова будет так же хорошо.
До корешков повыгорели травы,
в прах рассыпались ветви –
 только тронь,
ведь для тайги
страшнее нет потравы,
чем жалости не знающий огонь.
Шёл первый снег,
бинтуя спешно раны
измученной, истерзанной земли,
и ветры, задувая светлой ранью,
следы пожара быстро замели.
И по весне,
когда снега сгиняли,
небесной влагой почву оросив,
вновь травы
буйно голову подняли,
кору земную зеленью покрыв.
А лес молчит.
Беда пришла большая.
Он в небо руки чёрные простёр,
всё потому, что кто-то, поспешил,
Не загасил, не залил свой костёр.

* * *

Грибная пора. Запах сыри и прели.
В болотце бесчинствует хор лягушат.
Да листья, что в прошлом году облетели,
Под шагом сторожким легонько шуршат.
Я тихой охоты люблю неторопкость,
И мягкую, светлую радость её,
В осиннике синем торёные тропки
Навеки останутся в сердце моём.
Нас эта охота покоя лишает,
В груди не удержишь восторженный крик,
Когда тебе шляпкой блестящей кивает
Тугой, налитой, исключительный гриб!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Оставшиеся в литературе
Как-то сбоку припёка,
Почти что не издаваемые,
Забытые ныне почти,
Вас, стихи посвящавшие
Есенину, Брюсову, Блоку,
Словом своим негромким
Сегодня хочу почтить.
На сцене Политехнического
Вы рядом стояли с классиками,
О том, что сосед ваш – классик,
Не ведая. Зал стихал.
Срывали аплодисменты вы
У зрительской тёмной массы,
Обрушив на головы слушателей
Гулкую медь стиха.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Он богом был. И божескую милость
Являл шутя. И верил, что велик.
Единственное, что не покорилось,
Не поклонилось и не преклонилось
Пред ним в стране —
 был сущий в ней язык.

Он чуял силу, что таилась в Слове,
Он пулей затыкал витиям рот,
Но сквозь мажорный грохот славословий
Он слышал, как безмолвствует народ.
Он цену знал безмолвию народа,
Своих акынов обласкав слегка,
И снизойдя до раболепной оды,
Всё ж занялся проблемой языка.
О новой грани богова таланта
Нас известило дружное «Ура!»
По счастью, из затеи дилетанта,
Как водится, не вышло...

 Ничего.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

ХОЗЯИН

В тайгу входи, как в дом родной,
Бестрепетно входи.
И зряшной, шалою пальбой
покоя не буди.
Услышав птичий переклик,
гнезда не разори,
Пойми тайги простой язык
И с ней поговори.
В ключе воды не замути,
зверьё побереги –
И лишь тогда пребудешь ты
Хозяином тайги.

* * *

Спит Петроград,
 уставший, как галерник,
Средь белой ночи,
 как средь бела дня.
Игру с судьбою
 в русские горелки
Затеял Александр Блок
 не зря.
— Гори, гори,—
 я упаду во рву,
За Шлиссельбургом
 сгину в склизкой глине,
Но никогда России не совру
И никогда в беде её не кину!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Гаражами потеснён
ивняк приречный
и сокрушены кусты
крушины.

Стали люди жить пообеспеченней –
займели личные машины.

И теперь, где трепетно и робко
лист берёзок вздрагивал под ветром,
поднялись железные коробки,
превратив в щепу стволы и ветви.

Может, единичный факт не страшен?
Тех берёз в России...

Кто их счёл?

Но гараж, машина – это ваше...
Лес был нашим.

Вот ведь я о чём!

* * *

Бородатый, вихрастый, лобастый –
Тридцати-то, поди, ещё нет.
Вот и встретились, парень,
Ну, здравствуй,
Мой к журнальной подборке портрет!
Погляжу, как мы молоды были,
Сколько было в нас пыла и сил,
светлых помыслов... были, да сплыли.
Ишь, как взгляд ты упрямо скосил.
Сдвинул круто надбровные дуги,
рот усмешкой крутой повело.
Жизнь ид-д-ёт! И не держат подпружи,
И в подъём вдруг свернётся седло!
Это, знаешь ли, вовсе не просто
Жизнь-то жить по-людски, по душе.
То, что в юности мнилось, как остров –
К сорока – полуостров уже!
Полуостров, считай полуостров,
Подступила пора полумер –
То, что, парень, тебе было просто,
мне не просто, тебе не в пример!
Думал, век буду удалью хвастать:
Коли – да, так уж – да!
Нет – так – нет!
У тебя ж выходило, лобастый,
Дорогой мой журнальный портрет...

Командировка от газеты. На лесоповале.
Приморский край, город Иман

Отчество

* * *

Я рад, что мне,
а не кому-нибудь
то счастье величайшее дано –
здесь землю распахать,
как распахнуть
ее встречь солнцу.
Заронить зерно
в тот
напоенный влагой чернозём,
в сухой подзол,
в суглинок ли,
в песок...

Нам нелегко.
Но мы свой воз свезем.
И да пробьётся к свету колосок!

ЧАША

Ложимся спать, чтоб поутру вставать.
К работам и заботам, не к веселью.
В той чаше хмеля нет – одно похмелье.
Испить до дна. И капли подобрать.

Во здравие её вздышаем мы
в кругу друзей за скучными столами.
И не дано нам, твердо знаем сами,
заречься от тюрьмы да от сумы.

Сыны своей земли, своей страны,
мы слишком свято верили в догматы,
в то, что все мы – отважны и крылаты
и нету виноватых без вины.

И чашу жизни наполня всклень,
к ней припадали жадными губами.
Ломили на Турксибе и на БАМе,
и богом нашим был Грядущий День.

Мы, прошлое отринув и презрев,
боролись и мирились с Настоящим.
А старый мир – сей «допотопный ящер» –
был Будущим, мы поняли, прозрев.

Отчество

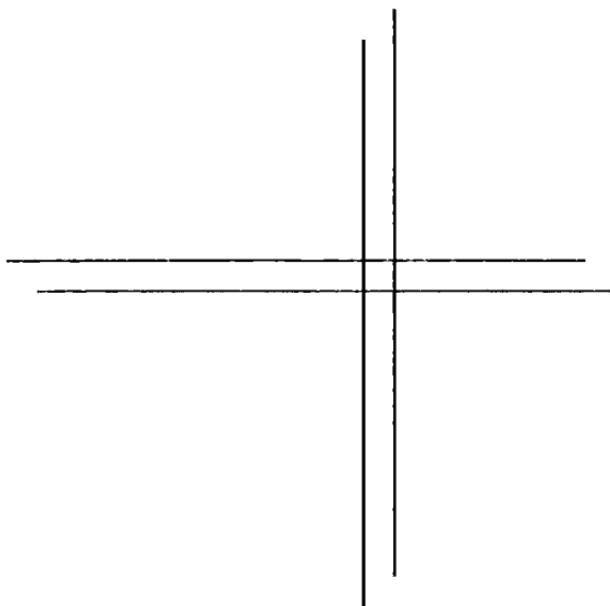
Вновь опьянев, как прежде, без вина,
былых богов мы поминаем все.
И рвем оковы, а в сердцах бушует
тотальная гражданская война.

Когда ж рука потянется к перу,
дабы воспеть, восславить... Мне всё чаще
на ум приходит: пил из этой чаши.
На дне – похмелье во чужом пиру.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

ГЛАВА 2

ГОДОВЫЕ КОЛЬЦА

Зима. 1960 год

* * *

В январских гнездах пустота и стынь.
И с каждым днем в лесу с кормежкой хуже.
Всё сущее таится. Лишь клести
Птенцов выводят в пору лютой стужи.
Морозы гвозди крепкие куют.
Занозой острой гвозди эти в теле.
Но дети – радость.
И клести поют.
Синхронно подпеваю им метели.
Когда в душе сумбур и неуют
и сердцу так успокоенья надо,
я в лес иду. А там клести поют
средь белого безмолвия и хлада.
Снега чисты, как белые холсты.
Как мудро всё устроила природа!
Прекрасен мир, коль в нем поют клести,
восславив песней продолженье рода.

Годовые кольца. ЗИМА

* * *

Поднялся над подлеском старый кедр,
Взметнулся в небо высоко-высоко.
Качает влагу он из чёрных недр
И наполняет шишки спелым соком.
Они в смоле, как будто в янтаре,
Под тяжестью литой прогнулись ветки.
В метельном неприветном январе
Средь хвои их найдут резвуньи белки.
Взгрустнётся им по солнечным денькам,
И всё же белки прострекочут скопом
Хвалу тебе, таёжный великан,
Что шишки напоил янтарным соком.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

ВОРОБЕЙ

Григорию Хохлову

Морозец жмёт.
Взъерошенный, озябший,
средь певчих пташек
признанный плебей,
накинув куцый
серенький азымчик,
чирикает бедовый воробей.
Беда ли в том,
что не умеет петь?
Зато как бурно радуется
жизни,
к иным краям не мыся
улететь,
хоть знает, —
зимы лютые в Отчизне!

Годовые кольца. ЗИМА

* * *

Известный путаник и враль
В слянявшей старой шубе,
Бредёт по городу февраль,
Бредёт и шутки шутит.
То по карнозам
 мокрых крыш
Сосульки он развесит.
А то, сломав ночную тишину,
Метёт и куролесит.
То бок сугробу припечёт
Полуденным светилом, —
И ручеек уже течёт,
Капель в панель забила.
И кажется, вот-вот весна
На мостовую ступит.
Но глянь в окно —
 восстав от сна,
Метель шрапнелью лупит.
Известный путаник и враль
В линялой старой шубе,
Бредёт по городу февраль
и злые шутки шутит.

ГНЕЗДО

Каким-то чудом держится одно
Гнездо среди заледенелых веток,
Когда-то пухом устланное дно
Январь подмёл, взлохматил стенки ветер.

Распахнутое в жалкой наготе —
Всё напоказ в нём, все углы наружу.
Оставленное.
Я бы не хотел
Вот так же
Встретить снег, и ветр, и стужу.

И всё же почему несём мы вздор?
Зачем в тупом каком-то ослепленье
Упорно говорим о нём:
«Гнездо» —
Не пук травы
И не ветвей сплетенье?..

Годовые кольца. ЗИМА

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Всё круче морозы, всё крепче –
Рождественские, крещенские.
Под снегом ссутулили плечи
Деревья. И ветер-крестендон.
И лед на озерах отечный.
И небо линялее ситца.
И, кажется, целую вечность
Зимы гостеванье продлится...
Но где-то сноровисто, бойко
И с каждым деньком веселей
Куют красногривую тройку
Весны златошерстных коней.
На звонкие ставят подковы
Трёх рыжих,
гриавастых,
лихих,
Чтоб рек ледяные оковы
Слетели от топота их.
По градам и весям со свистом
Та тройка промчит, прогремев.
И, брызнув, зеленые искры
Повиснут на ветках дерев!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

РОДНИК

P. Добровенскому

Всю зиму в том ключе клокочет удаль.
Роняет хвою в родничок сосна.
Скажите мне, а может быть, отсюда
В России начинается весна?
Не знаю – правда, или просто байки,
Но где-то в марте, лишь осядет снег,
К тому ключу, по солнечной лужайке
Приходит Леший – мудрый человек.
Он повернёт замшелыми руками
Таёжный ключ – и выпустит весну.
Она сверкнет, как драгоценный камень,
И рыжей белкой прыгнет на сосну.
И станет легче и зверью, и людям,
И лес стряхнет с себя оковы сна...
Но кто сказать посмеет – не отсюда
В России начинается весна?

* * *

Пригревшись на пригорке, март уснул.
Зима ж даёт последнее сраженье.
И поздних снегопадов низверженье –
Последний залп.

Последний залп в весну!
И вот снега с небес летят, летят.
Они чисты, легки, светлы, обильны...
Какой-то запоздалою обидой
С природой посчитаться норовят.
Гляжу на март в размытое окно,
И будит снег моё воображенье.
Зима даёт последнее сраженье –
Но
 проиграть его ей суждено!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Снегопад на дворе,
снегопад, —
Буйство марта
в преддверье апреля,
И берёзы, как свечи, стоят
Под весеннюю этой метелью.
Снег — подобьем стремительных птиц —
С поднебесья — крылами об землю.
И тревога не знает границ,
И рассудку я больше не внемлю.
Я умом понимаю — весна,
И случайна волна снегопада.
Отчего же лишился я сна
И чего мне мучительно надо?
Вон, багульник зацвёл на окне —
Он стеклом от пурги отгорожен,
И чего бы тревожиться мне, —
Ведь весна наступила. И всё же...

Годовые кольца. ВЕСНА

* * *

Отбушевал в канавах и оврагах
Снегов сходящих бешеный поток.
Обильно напоен весенней влагой,
В зелёной дымке плавает лесок.
И внешний мир застенчиво-сторожек:
Весь в ожиданье — что там впереди,
И тихий звон берёзовых сережек
Опять набатом сердце бередит.

МЕДВЕДЬ

Берлогу затопило. И спросонья
Медведь снарядом вылетел в апрель.
Висела на деревьях крупной солью
Застывшая кристаллами капель.
И впалыми, облезлыми боками
Несспешно и неслышно поводя,
Он обнял вдруг большой прибрежный
камень

И в синий лёд метнул его шутя.
И треснул лёд. Ручей рванулся к свету.
Медведь взревел в восторге от того,
Что заливает вешнюю планету
Поток апрельский волею его.
И пошагал туда, где сопки сини,
Круша в таёжных речках
стыйлый лёд.
Прислушайтесь. Невыспавшийся,
сильный,
По бурелому мой медведь идёт.

Годовые кольца. ВЕСНА

* * *

От краснотела

розовеют склоны,

Пришла весна в окрестные леса.

Об эту пору мы щедры – и склонны,
Как некогда, поверить в чудеса.

Черёмуховых почек аромат

Плывёт над остывающим апрелем,

Светильнички подснежников горят
В траве, пропахшей сыростью

И прелью.

Настырно прёт упрямая трава,

И желчью тополиной лист исходит,
Всплывают на протоках острова, –

Всё это значит, что весна уходит.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

В ЛЕСУ

В лесу весеннем стынет тишина,
На горизонте лиловеют сопки.
Ручей, что в январе промёрз до дна,
Пробился к свету у сосны высокой.
Озябшие серёжки у ольхи
Слегка колышет тёплый южный ветер –
В такую пору пишутся стихи
И дышится легко на белом свете.

АПРЕЛЬ

Уже проседает на речке
Изглоданный солнышком лёд.
Как в детстве, я лажу скворечник
И радостно сердце поёт.
И стружка отчаянно вьётся,
Как в небо стремящийся дым,
И пусть тут счастливо живётся
Пришельцам заморским моим.
Они уж спешат – новосёлы –
На ветке присвистнул гонец –
Чернявый, картавый, весёлый,
Весь – звонкая песня –
Скворец.

МАЙ

Маяром молодым
в разноцветной рабочей спецовке,
на которой отыщутся
всякие полутона,
Май идет по Земле –
энергичный, весёлый и ловкий, –
под покраску бока
подставляет охотно она.
Красит жёлтым и синим,
зелёным, оранжевым, красным.
Не жалеет ни красок,
ни сил молодых не щадит.
Над мою Землей,
необъятной такой и прекрасной,
Первомайская радуга
расписною дугою стоит.
Зеленеют поля,
обновленные кистью чудесной.
Молодеет Земля,
продолжая свой вечный полёт.
И в сердцах у людей
нарождаются новые песни.
Это славно, когда
Человек за работой поёт!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Весенняя раскованность стиха!
Она – как полноводная река,
Которая проснулась и пошла,
И льдины к синю морю понесла.
Мы помним ледостав и ледоход –
Ведь на земле живем не первый год.
Но каждый раз, когда весной река
В себя вбирает талые снега,
Не можем удержать восторг души –
Уж больно ледоходы хороши!

* * *

Земляникою спелой пропахли луга,
В рёлках запах прописан грибной.
Сладко пахнут копешки, валки и стога
Свежескошенной вялой травой.
По таёжным полянам – медвяный настой,
Аромат разноцветья густой.
И рождает покойный душевный настрой
Милой родины запах простой.

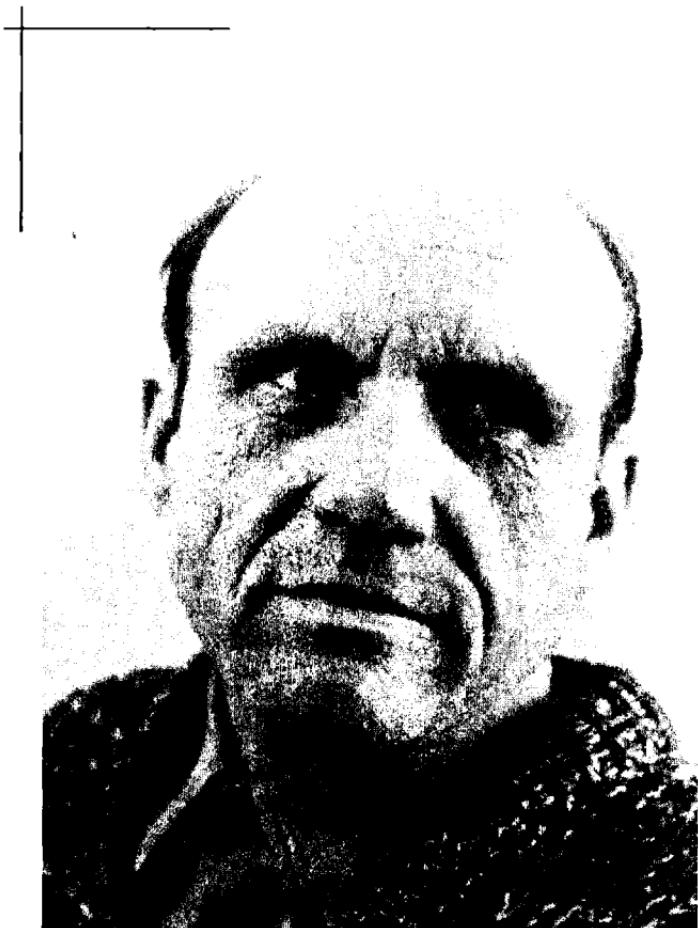
ГРОЗА

Всё небо разом морок заволок,
Летит листва, подхваченная вихрем.
На просеки, на припотевший лог
Предгрозье пало. Сжавшись, всё притихло.
Не слышно перебранки воробьев,
Умолкли в чаще щебетуньи-птахи,
И молния азартно небо рвёт,
Как в драке ворот выходной рубахи.
И лупит в землю дождевой поток,
И пузырятся, закипая, лужи.
И грозового воздуха глоток
Бодрит, как спирт в разгар январской стужи.
Ушла за синий окоём гроза,
И вновь июль крылом над лугом машет.
И пялятся на белый свет глаза
Доверчивых, как малыши, ромашек.

Годовые кольца. ЛЕТО

* * *

К исходу лета поспешают дни:
Июль стоит у нашего порога.
И очень хорошо, что мы одни,
И перед нами лентою — дорога.
Шагнём вдвоем в сжигающий июль,
Подставим солнцу головы и плечи.
И я тебе тихонечко спою,
Что жизнь светла
и что ёщё не вечер.
Пускай и одуванчик облетел,
И тополиный пух откуролесил.
Но позади у нас немало дел,
А впереди — неспетых столько песен!..

Биробиджан. 1974 год

Годовые кольца. ЛЕТО

* * *

Июль – макушка лета. Луг парит.
В тайге стоит подвялшей хвои запах.
И солнце негасимое горит –
Идёт июль, как кот на мягких лапах.
В садах малину красит в алый цвет,
Клубнику наливает соком сладким,
В лесах взрастил он сказочный букет,
И, кажется, всё у него в порядке.
Ещё он тень наводит на пустень,
Ещё на речке весело хохочет,
Но с каждым днём его короче день –
Хотя б на две минуты, но короче.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Которые сутки дожди и дожди,
Промокли леса и поля,
Но всё же дожди не браны, подожди,
Ведь есть же в них прелесть своя.
Взгляни, как за сеткой мелькающих струй,
Колышется зелень дерев,
Услыши многозвонность серебряных струн,
Дождей монотонный напев.
Прислушайся к шорохам, что рождены
Несспешным движением вод...
А ясные дни нам ещё суждены,
Как птицам небесным полёт!

Годовые кольца. ЛЕТО

* * *

Шушукаются камыши,
Глуша шаги в ночной тиши.
Луга дрожит в смоле реки,
Дробясь на тысячу кусков.
Махорку курят рыбаки,
Расположившись у кустов.
Прочертит небосвод звезды,
Свой срок не догоревшая,
Да рыба выплеснет со дна,
Спросонья ошалевшая.
И снова смоляная гладь
Глотает блики лунные.
И чай пытается бежать
Из котелка латунного.
Звенят надсадно комары,
И над равниной водною
Туман до утренней поры,
Как молоко холодное.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Август густо
ранетом усыпал сады –
Наливным,
краснощёким
и спелым...

На поникшей траве
остаются следы –
Это осень моя подоспела.

Не ждалось,
что так рано я встречу её,
Почитай,
что и не было лета.
Бьётся сердце,
колотится сердце моё,
Как кленовый листочек
под ветром.

Годовые кольца. ОСЕНЬ

* * *

Груздей розетки, налитые всклень,
В густой листве широкие прокосы,
На срезе потемневший склизкий пень –
Осень.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Убегают речки от морозов,
Скоро их в пути догонит снег.
Белые, как свечечки, берёзы
Замерли в тревожном полусне.
И леса заметно поредели,
Стылый ветер листья ворошит,
Стихли в мокрых рощах птичье трели,
И туманы поползли с вершин.
Бродит осень по притихшим рёлкам,
Обрывая позднюю листву,
На заре морозной иней колкий
Серебрит пожухлую траву.

Годовые кольца. ОСЕНЬ

* * *

Осень незабытая моя,
Той поры военной
ледостав.
Год сорок четвертый.
Осень. Я
Изучаю воинский устав.
Потому,
что нету букварей,
Ну а мне сегодня –
в первый класс.
Много в жизни будет
сентябрей,
Но такой бывает
только раз.
Лейтенант был –
и не Дед Мороз,
И моложе,
чем его бойцы.
К нам в детсад уставы он принес:
– Изучайте русский, огольцы!..
Смог я старше лейтенанта стать.
Только, что бы ни было со мной,
Помню –
научился я читать
По «Уставу службы строевой».

ПОЖАР

От искры бересклета вспыхнул лес
И полыхает в вышине и в шире.
Огонь осенний по лианам влез
На самые высокие вершины.
Оранжевым и жёлтым лес объят,
Пурпурным, алым и багрово-красным,
И только кедры в зелени стоят —
Они огню такому неподвластны.
В пожаре рыжем, жарком и сухом,
Кромольной мнится зелень их густая...
И в небе потемневшем и глухом
Гусей, летящих к югу, тает стая.

Годовые кольца. ОСЕНЬ

НАБЕГ

Дождем кинжалым
был поддержан ветер
в лихом набеге
на уснувший лес.
В ночь пали листва.
Пальцы голых веток
цепляются за лоскуты небес.
И – в ключья
пышных крон благополучье!
В грязи дорожной
золото берез!
Былой капеллы птичье
сладкозвучье
оплачет ёлка
смолкой липких слёз.
И – пустота...
Как вымело округу.
Кусты и травы смяты,
пали ниц.
Как полонянок,
гонит ветер к югу
и стаи туч,
и припоздавших птиц.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Озорник-мальчишка, тёплый ветровей,
Под забор сбивает палую листву.
Груши падают с пригнувшихся ветвей,
Мягко шлётпаются в жухлую траву.
Огород весь цепким вейником зарос,
И пробившись сквозь завесу низких туч,
Заплутался в золотой фольге берёз
Одинокий, беззащитный солнца луч.

Годовые кольца. ОСЕНЬ

* * *

Сентябрь добавил
дворникам работы –
Летит, звеня,
пожухлая листва.

Осенний день.

Осенние заботы
И холодов грядущих торжества.
Ах, как

под ветром
полыхают клёны,
Как звонкоструйно золото берёз,
А на клубничной грядке
лист зеленый
Совсем уж неожиданно пророс.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Воробы на ветвях, как набухшие
весенние почки.

Оперенье взъерошил им
Утренний колкий мороз.
Догорает октябрь,
И летят-облетают листочки
С ярких кленов, с печально
склонившихся долу берёз.
Догорает октябрь,
С каждым днём холоднее рассвет.
Примерзает река по утрам
к голубым берегам.
И в поклоне земном
проводая ушедшее лето,
Гнутся жухлые травы
По тронутым тленьем лугам.
Откричали своё в небесах
перелётные птицы,
Опустели поля
и просторнее стали леса.
И зима к нам в окошко
всё тверже
и тверже стучится,
Всё слышней и слышней
зимних тягостных выруг голоса.

Годовые кольца. ОСЕНЬ

* * *

Ясным светом
меня осени
Желтый цвет
увядющей осени.
Так пронзительно
дали сини,
Что морозец
по коже от просини.
Опадающий рощей
бреду,
Где тропа
меж деревьями
вьётся
И ручей,
как ребенок в бреду,
Всё зовет, да не дозвовётся.

ОСЕННЯЯ ОХОТА

Вот к югу потянулись косяки,
Запахло на болотах
Спелой клюквой.
И, видимо, про нас, таких-сяких,
Судачат кряквы,
разевая клювы.
Осенняя охота.
Перелёт.

Великое кочевье всех пернатых.
И в эту пору лихорадка бьёт
Охотников –
Юнцов и бородатых.
И я люблю
С ружьишком за плечом
Пройтись по жухлым,
Переспелым травам.
Послушать,
как легко и горячо
Под сердцем плецет
сладкая отрава.
Хвала тебе,
охотничий азарт,
И в непогодь гонящий нас из дома.
Вперёд, вперёд!
И нет пути назад –

Годовые кольца. ОСЕНЬ

Мне это чувство древнее знакомо.
А байки у нежаркого костра?!
Извечные охотничьи рассказы...
В минуты эти память так остра,
Что этого и не опишешь сразу.
И зоревая розовая мгла,
И медные распластанные листья,
И свист чирка,
Прищур холодных глаз.
И – выстрел!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Лебяжьего пуха белее,
На город пал утренний снег.
В глухие дворы и аллеи
Пролил он свой матовый свет.
Он падал лениво и сонно,
Несспешно, неслышно кружка,
Казался таким невесомым,
Но ветви к земле поприжал.
Деревья пригнули и кусты он,
Присыпал на поле стерню,
И стало бело и пустынно
У осени на краю.
Усердно гасил он остатки
Окрашенных в киноварь дней.
Опять по прогнозу осадки,
Свет белый белей и белей.
Проплешины все, все рыжинки
Старателльно выбелил он,
И звёзды, узором в снежинки,
Наклеены на небосклон.

Годовые кольца. ОСЕНЬ

ПИСЬМО

Зачем, отчаянно свиреп,
Гуляет ветер над полями,
И, оглашенный журавлями,
Октябрь расхристан и нелеп?
И потемневшая вода
Ползёт меж берегов белых,
И тучи листьев пожелтевых
Летят неведомо куда?
Увяли поздние цветы,
Леса опали, поредели...
И отчего, на самом деле,
Молчишь, дружок, упрямо ты?

ПРЕДЗИМЬЕ

Еще метеорологи правы,
Рисуя сердцу милые картины,
Но сединой сверкают средь травы
Ажурные сплетенья паутины.
Ещё до снегопадов далеко
И тучный август властвует.

Но чинно

Туманы, как парное молоко,
Плынут с рассветом в сизые лощины.
До утренников далеко ещё,
Как до познанья неоткрытых истин.
Но я уже открыл
печальный счёт
Желтеющим в аллеях
далльних
листьям.

Ещё калины пламенеет кисть,
Бросая в чащу солнечные блики.
Но кряквы на крыло уж поднялись
И изморозный цвет у голубики.
Неистовее пляска мошкарь,
Над марями стоящей тучкой дыма.
И властное дыхание зимы
Всё явственней в природе ощутимо.

Годовые кольца. ОПЯТЬ ЗИМА

* * *

Затейлив иней, как резьба карнизов,
И хрусток под шагами хрупкий наст.
Забытую лыжню позёмка лижет,
Пытаясь закружить в трёх соснах нас.
Весь в белом лес. Похоже, занедужил.
Косые тени бродят по снегам...
Но и больной,
Зажатый лютой стужей,
Он всё же согревает души нам.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

В тайге – зима.

Метровые снега.

Закуржавели ветки над берлогой.
Притихла стоголосая тайга,
Искрится снежная пыль над логом.
И тихо так, что звон стоит в ушах,
И снег блестящ и ярок –
глазу больно.

У озерка в иссохших камышах
Шныряет ветер, зимний, беспокойный.
В кулак зимы таёжный мир зажат,
Кряхтят стволы деревьев
от мороза,
И, видимо, от холода дрожат
Серёжки на красавице-берёзе.

Годовые кольца. ОПЯТЬ ЗИМА

* * *

Похожие на высохшие ветви
Живых деревьев стылые скелеты.
Раскачивает их студёный ветер,
Они скрипят. О чём скрипят – о лете?
О запахах травы и земляники,
О стонах птиц, жиরеющих на гнёздах,
О том – ничтожном или же великом,
Что познаём мы рано или поздно?
А кто-то к стогу перекинул слеги
Намеренно, а, может быть, случайно...
В свечении стволов, небес и снега –
Какая-то неведомая тайна.
И странный запах бродит меж деревьев
Живых, но так похожих на скелеты.
Дымками обозначена деревня.
Скрипят калитки. Псы скулят в подклетях.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Шишки еловые,
как воробышки нахохлились —
Крепко прижал их друг к другу
серъёзный мороз.
Все на верхушке они
да всю зиму на холоде —
Вот уж не думал, что их пожалею до слёз.
Небеспечальностью —
тяжкой душевной усталостью
тронет мне сердце
краса этих сумрачных дней.
Трудно учусь дорожить
даже малою малостью
В жизни природы.
А, значит, и в жизни моей.

Годовые кольца. ОПЯТЬ ЗИМА

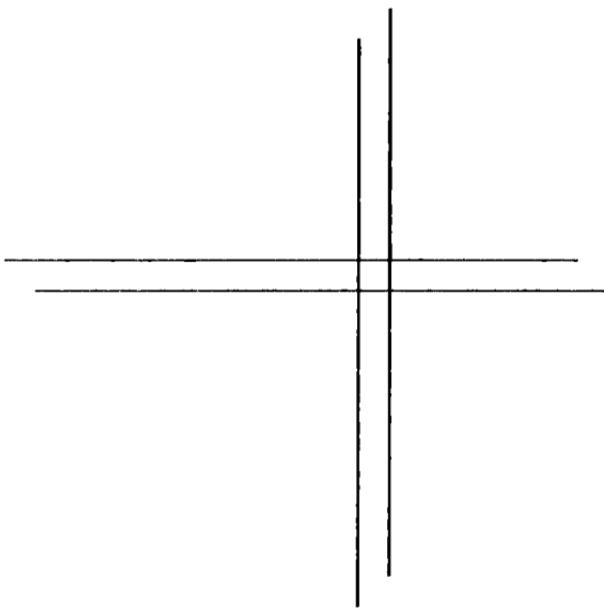
НОВОГОДНЯЯ ВЕЧЕРИНКА

За стеной в переборах гитарных
Незнакомые песни звучат.
Развлекают лохматые парни
Одноклассниц – смешливых девчат.
Жизнь водой по речным перекатам
Пронесла череду моих лет.
Был и я молодым и лохматым,
А теперь – чего нет, того нет!
Средь тайги городов я не поднял
И в пустыне садов не взрастил.
Но не жаловал трусость и подлость
И обид никому не спустил.
Дорожил своим делом и дружбой,
Не искал поудобней пути,
Хоть бывало дорогой окружной
Много легче до цели дойти.
...Полночь. Чётко часы отзвенели.
Стрелки двинулись в счёт января.
За стеной мою песню запели.
И выходит – живу я не зря!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

ГЛАВА 3

ТРИЛИСТНИК

Трилистник

ОПЯТЬ ДОМА

1.

Подкатила под горло дорога –
Всё кричим по привычке: «Вперёд!»,
А здоровья – не скажешь, что много,
Да и возраст своё уж берёт.
Нас заботы толпой окружили,
Позабыты вокзал и причал.
Если в юности по сердцу жили –
Нынче время разумных начал.
Подминает нас возраст серьёзно,
Не спешим, мельтеши – всё б успеть!
И над нашими крышами грозно
Пламенеет осенняя медь.

2.

Пора понять, что нам по сорок лет,
Что не юнцы. Что, в общем, отгораем.
Бессмертия нет, как, впрочем, смерти нет –
Про это мы ещё с «пелёнок» знаем.
Пора нам ставить на крыло птенцов,
Перебирать увядшие бумаги,
И, пребывая в звании отцов,
Учить детей дерзанью и отваге.
Пора, пора их в люди выводить,
Передавать им начатое дело.
Не слыть, но быть! И верных жён любить,
Как в юности. Пора уже приспела...

3.

Стали печальны, мой друг,
Наши нечастые встречи.
Резко очерченный круг
Наших речей и забот,
Прошлые наши грехи
Время, как видно, не лечит.
Насторожённость в очах
Наших поживших подруг.
Боязно им, дорогим,
Что переступим черту мы
Круга, в который они
Заволокли нас силком...
О пустяках говорим,
Думая горькую думу.
Есть им подумать о чём,
Есть погрустить им о ком.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

ОСЕННИЕ ЭТЮДЫ

1.

У астры остёр лепесток.
Осенняя морось колюча,
И трепетен лепеток
Дождей, что слезятся канюча.
Идёт затяжной мелкосей,
Туман по распадкам не тает.
В линялой неброской красе
Проходит пора золотая.

В редакции "Биробиджанская Звезда" 80-тые годы.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

2.

Подсолнух. Покосившийся плетень.
Рябина рдеет бусами на снизке.
Прозрачно чист сентябрьский
светлый день,
Бежит река от заморозков близких.
И журавлиных клиньев паруса,
И лето, что осталось за плечами,
Цветов последних поздняя краса
И радуют нам душу, и печалят.

* * *

Анатолию Кобенкову

1.

«В тетради общие писать
Необщие слова,
Стихи ночами сочинять,
Себе и близким
Жизнь ломать –
Кто дал тебе права?» –
Так вопрошаet мудрый глас
В ночи бессонной, и не раз.
Наплюй на сей пустой вопрос
Ты – юн, пышноволос,
Ещё далёк твой тяжкий воз
От роз,

от розг,
от слёз...

Ещё ты не перегорел
И значит – не потух.
Пишит цыпленком во дворе
Твой жареный петух.
Вноси же в общую тетрадь
Необщие слова.
А после будем разбирать,
Кто дал тебе права!

2.

Он – кругл, на то ведь он и круг.
Он – плосок, зашлифован в лоск
Ладошками шершавыми,
Как рашиль.
Гончарный,

всё не старящийся круг,
Что докатился из времён вчерашних.
На нём рождались чаши
и горшки,

Которые, уж ясно, что не боги
Сажали в обжиг.

Износился шкив.
Педаль истерли времена и ноги.
Гончарный,
на тебе замкнётся круг
Отчаяний,

изысков и находок.
Что дуги гнут терпеньем,
а не вдруг –

Через тебя мы к этому приходим,
Когда неотвратим вращенья ток,
Когда из глины, суеты и буден
Вдруг под руками мастера
горшок
Цветком взойдет и загудит,
как бубен!

ПЕТУХИ

M. Асламову

Петухи на Руси
Голосисты, горласты.
Поутру парусит
Алый гребень на прясле.
«Ку-ка-ре-ку!» — взлетает
И падает камнем
За Ишимом и Обью,
За Леной и Камой.
«Ку-ка-ре-ку!» — выносят
На гребнях рассвет
Петухи на Руси
Уже тысячу лет.
Начинается с крика
Истошного их
Новый день на Руси.
Вот он вспыхнул и стих,
Отгримел, отгорланил,
И падает ночь,
И не знает никто,
Чем нам можно помочь.
Но когда погружается в сон
Высокий наш дух,
На Руси нарождается
Новый петух.

РОСОЙ ХОЛОДНОЮ УМОЮСЬ...

1.

Сбивает тополиный пух в курганчики
Весёлый заполошный ветровей,
И маленькие солнца-одуванчики
Взошли в зелёной молодой траве.
Июнь стучится в двери –
вот и лето.

И тёплый дождик поле оросил,

Сквозь слой земли зерно пробилось
к свету,
И в рост пошло, земных набравших сил.
Торопкий май июнь опережает –
Густы по пашням встали зеленя,
Знать, встретит август
добрым урожаем
Моя благословенная земля.

2.

Земляничные поляны.

Старый дедовский покос.

Ключья белые тумана.

Половодья летних рос.

Над озёрной гладью тёмной

Трепет стрекозиных крыл.

Полдень жаркий, полдень томный –

Я ведь вас не позабыл.

Я всё это помню свято,

Свято в сердце берегу

Шум воды на перекатах,

Стоголосую тайгу.

Хоть одним глазком бы глянуть

На края, где я возрос...

Земляничные поляны.

Старый дедовский покос.

3.

Росой холодной умоюсь
на золотой заре.
Травы стоят по пояс, –
светло и радостно мне.
Крикну – гулкое эхо
мне принесёт ответ.
Куда бы я ни уехал –
краше сторонки нет!

* * *

Мне голос был...
Анна Ахматова

1.

...И понял я,
Бессонницей тревожим,
От мысли той
в бессилии немея:
писать стремиться нужно,
как «не можем».
Ведь так, как «можем»,
мы всегда сумеем!

2.

Стихи – что дети, ты не торопись
Их отпускать от отчего порога.
Куда как многотрудна наша жизнь:
Окрепнут пусты, пусть подрастут немного.
Ты породил их – выпестуй, взрасти,
Родителем и нежным будь, и строгим.
А то, гляди, заблудятся в пути –
И не найдут к сердцам людским дороги...

Биробиджан, завод «Дальсельмаш». Римма Казакова,
Виктор Александровский, Иван Драч, Алексей Пьянов,
Виктор Соломатов

3.

Мы наловчились передоверять
Всё то, за что ответственность несём мы.
И слово наше – часто невесомо,
Как обещанье «волю смердам дать».
А Русь живёт.

Как прежде пашет, сеет
И лён прядёт.
И с думою о нас
От нас не отрывает
Грустных глаз –
Ведь мы – её посеянное семя!
Мы не взошли ещё.
Ещё в земле
Мы набухаем тяжким соком
вешним.

Лишь изредка какой-нибудь безгрешный
Взойдёт,
И замирает, обомлев,
Пред чистотою девичьей России,
Перед лицом возвышенным её.
Я выбираю по руке копьё,
Я надолго рассчитываю силы!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Когда поэт стихов не издаёт,
Не значит это,
 что он их не пишет.
Коль он живёт,
 То, стало быть – поёт:
Имеющие уши,
 да услышат!
Когда поэт не пишет ни строки,
Не значит это –
 он не сочиняет.
Он книгу ваших судеб сочиняет.
Не будьте
 к молчаливости строги!
Когда же он дышать перестаёт,
И предстает перед людьми и небом,
всё, что ни спето им –
 народ поёт,
Иначе бы поэт
 Поэтом не был.

Трилистник

* * *

Нечасто он приходит, этот час,
Когда внезапно оживает в нас
Всё, что подспудно билось и росло,
Как бьётся неуклюжее весло
В сырой неустоявшейся воде...
И гребли нет. И быть большой беде,
Коль скоро не научишься грести.
Но час придёт – обиды и грехи
Простятся нами и простятся нам.
Гребок такой – что вёсла пополам,
И на простор раскованной реки
Челнами вырываются стихи...

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

В пору ожиданья снегопада,
В час, когда короткий день угас,
Вдруг, без спроса, надо ли – не надо,
Просветленье посещает нас.
На дворе очередная осень
Буйствует в неистовой красе.
Глядь, виски посеребрила проседь,
А ровесник – тот и лыс, и сед!
Сутолокой суток заморочен,
Вечно в гонке за летящим днём,
Ты о нём и вспоминал не очень,
О немалом возрасте своём.
Сам давно ли проходил науки,
Познавал и жизнь, и отчий край?
Только оглянулся, а уж внуки
Теребят за брюки: «Поиграй!»
Поиграй, приятель!
Жизнь к закату
 клонится.
Всему свой час и срок.
На кленовой ветке виновато
Светится последний твой листок...

СВЕЧА

На треть одну сгоревшая свеча –
ещё свеча, а на две – уж огарок.
Своих раздумий коней горяча,
мы рвёмся к свету, что предельно ярок.
Горит свеча – ей в белый день гореть,
гореть в ночи бестрепетно и стойко,
ведь жизнь покамест сожжена на треть,
а впереди ещё – два раза столько!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Вся жизнь моя – сплошное фуэте.
Я сутками кручусь, как заведённый,
а ведь бывал рассеян и влюблённо
умел земной дивиться красоте.

Над ландышем склоняться, не дыша,
часами слушать, затаив дыханье,
полunoчные по кустам страданья.
А нынче что?! Сплошные антраша!

Прыжки и гонки – кто же их учтёт:
промашки наши, промахи, ошибки,
с друзьями непростительные сшибки!
Всё крутимся... А времечко течёт.

* * *

1.

Ещё леса по-летнему опрятны,
Маяр-сентябрь лишь стряхивает кисти,
Он сплошняком ещё не красит листья –
Их желтизна, как солнечные пятна.
Но утренний ознобный холодок
Уже сердца и души нам тревожит,
И дождь идёт, и всё уйти не может,
И вязнет в зыбкой колее дорог.

2.

Снова падают звёзды на землю,
В остролистую болотную зелень.
В тальники, у корней подопревшие,
Звёзды скатываются отгоревшие.
Тальники под луной серебрятся –
Им весь век над водой наклоняться,
Бить над омутом земные поклоны –
В омутах этих звёзды и тонут.
И на тёмное дно оседают,
К родникам там живым припадают.
И опять наполняются светом,
И сквозь чёрную воду светят.

3.

Мне мил сентябрь городских окраин –
Тут запахи укропа и смороды,
Тут свежий воздух осени приправлен
Дымком костров, чадящих в огородах.
Здесь над подзором кружевных карнизов
Устало мокнут шиферные крыши,
И радужным лучом садок пронизан,
И ветра свист в ажурных ветках слышен.
Тут иногда ещё гармонь играет
Страданья. По старинке, с перебором...
Тут сквозь листву, что осень обрывает,
Многоэтажно проступает город.

Трилистник

ПОГОВОРИМ О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

ЗЕМЛЯНИКА ДЕТСТВА

Гале

Память жёсткой травой повиликой
Цепко держит ушедшие дни.
Отправляемся за земляникой,
Пацанва – восьмилетки. Одни.

Пахнет луг подсыхающим сеном,
Вязким мёдом, цветочной пыльцой.
Солнце прямо на голову село,
Липкий пот заливает лицо.

На коленях ползу по полянке,
Проклиная, жарой оглушён,
Кружку ту из консервной жестянки
С чёрной надписью: «Мясо тушён...»

Но удача с настырными дружит,
Рано ль, поздно ль, а их-то найдёт,
Лишь бы ягодку мне обнаружить.
Глядь – вторая. А там и пойдёт...

И пошло. Я работаю споро.
Уж наполнена кружка на треть.
В час пятнадцать по-местному скорый –
Вот к нему-то и надо поспеть.

Поспеваем. Бежим вдоль состава.
Тянем кружки, на цыпочки встав.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

Паровоз, отдуваясь устало,
Мягко трогает с места состав.
И везёт по просторам великим,
Разводя на подъёмах пары,
Запах угля, смолы, земляники –
Запах детства военной поры.

Мы ж, зажав во взопревших ладонях
Наши праведные медяки,
Крупной рысью на станцию гоним,
Где торгуют буфет и ларьки.
За весами следя настороженно,
Слово молвить боясь невпопад,
Покупаем в ларёчке мороженое
И шибающий в нос лимонад.

И пускай станционные видят:
На свои пьём-едим. И своё...
А на вафле продавлено «Витя»,
Или «Галя» – на счастье моё.

В ГОРОДСКОМ САДУ ИГРАЕТ...

Парк сотрясают ушедшие в прошлое марши,
Вальсы старинные плавно над парком кружат.
Были мы молоды. Стали взросле и старше.
Только от музыки этой сердца, как и прежде,
дрожат.

Прошлое входит к нам в души под звуки
оркестра,
Как он старается, добрый оркестр духовой,
Ты не жена мне ещё, и пока не невеста,
Просто мы молоды очень, родная, с тобой.

Вальс наплывает – стремительный, томный и
нежный,
В трубах клокочет и плещет Дунай голубой,
Сопки Маньчжурии тонут в просторах
безбрежных,
Волны амурские боятся о берег крутой.

Чисто кларнеты выводят и соло, и втору,
Солнечный зайчик дрожит над блестящей
трубой,
И возвращает нас в юности светлую пору
Старый знакомец наш, добрый оркестр
духовой.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

У Любви моей нескладно
Складывалась жизнь –
То неладно, то накладно,
Вот и разберись.

Кинул всё я. И уехал
В дальние края,
Всем знакомым на потеху
Жизнь свою кроя.

А Любовь моя грустила
И в чужой судьбе –
Мыла пол, дитё растила,
Щи варила, поварила...
А жила во мне.

Трилистник

* * *

Я люблю тебя, пойми меня,
Только правильно пойми.
Над моим сойдутся именем
Руки тёплые твои.

Встрепенутся, лягут бледные,
И утихнут. И опять
Солнце станет блюдца медные
Молча о стену швырять.

Будут бури. Я их выменял
На безоблачные дни.
Над моим сойдутся именем
Руки тёплые твои.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Опять над тундрой лебеди трубят,
Так высоко, что, кажется, сфальшивят,
И белопеннной стаей голубят –
Их крылья над необозримой ширью.

Я вновь стою у самого начала,
И трудный путь я начинаю вновь,
Чтоб лебединой песнью прозвучала
Моя к тебе, твоя ко мне – любовь.

Трилистник

* * *

Качнись, моя далёкая звезда,
И прянь в мои протянутые руки.
За сотни километров поезда
Трубят о нашей, милая, разлуке.

Полночный гул разбуженных мостов,
Кряхтенье шпал, тоннелей тьма густая...
Я забываю запах поездов
И стук колёс о рельсы забываю.

Мороз и снег: «П-а-шли!» – кричит каюр.
Пилот АН-2 выводит на рулёжку...
Лишь переборки хлипкие кают
Тот мир напоминают мне немножко,

В котором ты, цветы и поезда,
И чай слегка качается в стакане.
А я всё жду, пока моя звезда
В мои ладони с поднебесья прянёт;

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Спроси меня, как я живу,
С кем мучаюсь, дружу, сражаюсь.
Твою оставив синеву,
Я каюсь, или же не каюсь?
И хорошо ли мне, спроси,
Жить тут, у голубых откосов.
Спроси! А то уж нету сил,
Нет жизни без твоих вопросов!

Трилистник

* * *

Здравствуйте! Как поживаете?
В радости иль в печали?
Вижу, как пожимаете
В недоуменье плечами.

Письмо моё крутите-вертите,
Душу свою истомя.
Верите и не верите
В то, что оно от меня.

А может, над ним зеваете,
Потягиваясь вальяжно?..
Если Вы так поживаете,
Значит, я поживаю неважко.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Случилось нынче припоздать весне:
Подзадержалась дальнею дорогой.
Укоренился прошлогодний снег
В ложбинах, по урманам, по отлогам.

Но уж ручей к реке стремит свой бег,
И лёд осел, и птицы прилетают.
Ты говоришь мне: «Снег».
А что нам снег?
Он старый, прошлогодний,
Он растает.

Растает снег, зазеленеют озими,
И снова ветер будет пахнуть прелью,
Просядет синий лёд на Чёрном озере,
Источенный у берега капелью.

И выберется из-под снега тропка,
Протоптанная нами прошлым летом,
Но отчего так трепетно и робко
Зимою вспоминаю я об этом?

Тому виной крещенские морозы,
Или твоя сердечная остуда?
Всё может статься. Но презренной прозой
Я наше лето вспоминать не буду.

В свой срок опять зазеленеют озими,
И ветер снова будет пахнуть прелью,
Просядет синий лёд на Чёрном озере,
Источенный у берега капелью.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Волховала кукушка в заповедном лесу.
Куковала
 тоскливо,
 распевно,
 надрывно.

Вновь мне мнится:
 Тебя на руках я несу
По тропинке лесной,
Молодой и наивный.
И так сладко, так вязко
 Парит дурнопьян,
Так зазывно хохочет ручей на опушке.
Все цветы, всю малину
 Окрестных полян,
Годы жизни совместной
 Сулит нам кукушка.
Как не верить распахнутым настежь глазам,
Если в них пролилось,
 Опрокинувшись, небо...
Ни пол слова тогда о любви не сказал.
Но уж больше так счастлив не буду.
И не был.

* * *

Да, у меня француженка жена...
Владимир Высоцкий

Да, у меня красавица жена.
С годами красота ее не меркнет.
И я почти уверен, что она
Верна мне будет даже после смерти.
Моей, конечно.

Всемогущий Бог
Нас свёл когда-то.
Если разобраться,
То что-то изменить
И Бог не мог.
Мне было двадцать пять.
А ей — семнадцать.

* * *

Я и рад бы солгать,
Да, боюсь, не смогу,
Что запомнил тебя,
Как зарю на лугу.
В васильковой короне,
Тяжёлой от рос,
На разлапистом троне
Двух свитых берез.
Сочинить бы, как плёсом
Озёрным бежишь,
Как волшебством
Клонит метелки камыш.
И как птицы
Рассветные песни поют
Про тебя,
Про красу неземную твою.
И взлохмаченный ветер,
Упругий, тугой,
Пред тобою
Деревья сгибаает дугой.
Низко под ноги стелет
Траву на лугу...
Я и рад бы солгать,
Да, боюсь, не смогу.

Трилистник

* * *

Ты считаешь, нам не надо
Ворошить всё то, что было.
В шорохи ночного сада
Небо звёздочку сронило.
Обронило, склонило
Средь листвы густой и влажной,
В ночи чёрной, как чернила,
И по-южному вальяжной.
В тёмном небе звёзд немало –
Вот ещё одна сгорела.
На земле темней не стало,
Только разве в этом дело?

ОБЕЩАЛИ

1.

Обещали снег с дождём.
Дождь прошел,
А снег не выпал.
Клок заката,
Будто вымпел,
Врезан в хмурый окоем.
Сквозь немытое стекло
Я гляжу
На серый вторник.
Серый дворик,
Мокрый дворник,
Небо в лужи натекло.
Зрю я
Этот мир простой,
Все надеясь – снег повалит.
Пусть обманет,
Но поманит
Первозданной чистотой.
Всю-то жизнь
Мы ждём да ждём,
Уповая и надеясь,
Веря, впадая в ересь...
Обещали
Снег с дождем!

2.

Романтика войны.
Войны гражданской.
Сын на отца идёт.
На брата – брат.
Я бредил ею
И, видать, дождался –
По всей Отчизне
Выстрелы гремят.
Вновь начались игрульки
В «левый» – «правый»,
Но всяк хотел бы
Пожирней кусок.
Писателю
«Обидно за державу».
Мне за него обидно,
Видит Бог!
Десант в Литве,
Набычившись упрямо,
Стеной стоит
За танковой стеной.
Крик из толпы:
«Солдат, что скажешь маме?» –
Войдёт в сердца
Отравленной стрелой.
Мы все в цвета играем –
«Красный–белый».

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

В итоге ж
Поражений и побед
В войне гражданской
Выиграет серый.
Уж было так.
И в том сомненья нет!

3.

Гляжу в день грядущий
Сторожко.
Вчера
Величаво-строга,
Отчизна,
Как речка-таёжка,
Что в половодь
Рвёт берега.
Как в пламени,
Нету в ней брода,
Идёт, всё сметая,
Круша.
И сладко мне
Слово «свобода»,
А всё не на месте душа.

MAME

I.

Только мною всю жизнъ моя мама жила,
В восемнадцать годков – не вдова, не жена.
Мне – четыре, а тут подгадала война,
Сколько горя поселяла в мире она.
Был обилен посев – урожая не сжать,
Оставалось лишь зубы в отчаянье сжать
Да надеяться – краем грозу пронесёт,
Пусть поранит, да только пускай не убьёт.
Хоть снаряды в глубоком тылу не рвались,
Но полуушки не стоила хрупкая жизнъ.
Я-то рос. Жратъ просил. И с темна до темна
На неженской работе ломила она.
А возрос – все заботы-невзгоды мои
Сединою на голову мамы легли.
Небезоблачным было житьё да бытьё –
В передрягах бывал, кочевал, бедовал...
Потому и целую я руку её,
Так, как знамя, присягу приняв, целовал.

2.

За слепым окошком
Вечер-чародей.
Намывает кошку
К ужину гостей.
У печи подойник
Мать с работы ждёт.
Старый рукомойник
Вечный счет ведёт.
Каплями в кадушку
Время натекло.
Над печною вышкой
Зримое тепло.
Тыквенная каша
В чугунке пыхтит.
Все заботы наши –
Сон да аппетит.
Слышу, как устало
В дверь толкнулась мать...
И годков мне мало,
Лет, пожалуй, пять.

3.

...Пацан. Неграмотен и болен –
Ни почитать, ни поиграть.
Былинкой тонкой в чистом поле
Склонилась к изголовью мать.
А за окном – ночная сажа
И непонятный непокой.
И я ладошку мамы гляжу
Своей горячею рукой.
В трубе надсадно плачет ветер,
Нетопленная печь темна.
Который год на белом свете
Идёт проклятая война.
И тошн чай от сахарина,
И дождь вторые сутки льёт...
«Бежал бродяга с Сахалина», –
Тихонько мама мне поёт.
Листва дороги засыпает,
«Далёк, далёк бродяги путь»...
Я вижу – мама засыпает,
Роняет голову на грудь.
И я, от нежности немея,
Терплю – не кашляю, хриплю.
Хочу сказать, да не умею,
Как я её...
 Как я люблю...

СКОМОРОХИ

Ой, не гусли,
 как в сизом небе гуси –
Скоморошья дудочка над Русью.
Всё ведет мелодию,
 попискивает,
Озорно словцо в народ
 протискивает.
А народ на площадях
 хочочет –
Скоморох на ходулях, что кочет
На насесте.
 Кричит, надрываются,
Над богатым-тароватым измывается:
– Ты, купчина, –
Толстозад и толстопуз,
От какой беды-кручины так огруз?
– Ты, хозяин наш,
Да кудрявый наш,
Ты кудрями потряси,
Да нам по стопке поднеси!
– Ох, плох Царь-Горох!
А боярин плоше:
Царь бьёт –
Не дай бог,
А боярин больше.
– Ты ходи, ходи, ходи

Трилистник

Да Потапыча води!
Ты води его, води,
приговаривай,
Да камаринского с ним
выкомаривай!..
Ой, не гусельки,
как в сизом небе гуси –
Скоморошья дудочка над Русью!

ОЗОРНЫ МУЖИКИ

За все сказки,
бывальщины,
присказки,
За все песни, до самой малой,
Жизнь платила Боянам неистовством,
Колотила,
прежёстко мяла.
Умывала слезой кровавой,
Мордой – в грязь,
и на дыбе корчила.
Но катилось огненной лавой
По Руси изустное творчество.
Озорное словцо, соромщинку,
Собирая в народе по крохам,
Вербовали себе в сообщники
Озорны мужички-скоморохи.
И над ярмаркой,
грянув в бубен,
Поднимали его на ходули.
Обернулась насмешка бунтом!
Всех царей мужички надули,
Пережили Петров
Петрушки –
Перценосые забияки.
Не на мягкой спали подушке,
Никакой не боялись драки.

Трилистник

ЗЕМЛЯ БОГАТЫРСКАЯ

ПОТОК

Поток-богатырь
и гуляка, и хват.
Потока ярыги в кружалах бранят.
Грозятся побить –
Тот базарный люд
До драки кулачной
Куда как лют.
Поток – косяки у дверей плечом.
Поток на ладонь поплевал – горячо!
Поток с ярыгами не точит ляс,
Поток-богатырь – в богатырский пляс.
Маковки на теремах –
Ух-ах!
А щеколда на дверях –
Бряк-бряк!
Каблуками чешет
По полу Поток,
Диким лешим
Ахнул хохот в потолок!
Заплясала Русь,
Становись – не трусь!
Скоморошьи дудочки
Повизгивают,
Упаду – не боюсь!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

Только – бры-з-з-ги!
Ходит он. Руками машет.
Нету пляске той конца...
Хорошо, собака, пляшет,
Не задумывается!

ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ

Татары боятся
как о стену горох.
Рязанцы боятся, —
Один против трех.
В бору под Черниговом,
Как у царских врат,
Стрелами исчирканный,
Стоит Коловрат.
— Брате Евпатий, держись!
— Держусь!
Всех не поборют, отче Ратиборе,
За нами — Русь!
Падали снопами —
Обильна жатва,
Татарам — память,
Бирюкам жратва.
Вороны, вороны
Над Русью галдят.
Коловрат похоронен?
Жив Коловрат!
Рязанский ли муромский —
Жив Ратибор!
Над ними хмурится
Сосновый бор.
Над ними струнами
Рокочут гусли.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

И песни струями
Бьются в устьях.
Как воды полые,
Они шумят.
Ой, врете, подлые —
Жив Коловрат!

МИКУЛА

С сердцем вгоняет Микула гвоздь
В борону: расшаталась.
Ворчит Микула: “Белая кость...
Баре! Разбаловались.
Все б им плясать да меды хлестать,
Да дрыхнуть по сеновалам.
А ну как грянет заморский тать,
Попрёт саранчиным валом?
Пахать потребно. Хлеба растить.
Так нет. Мы – де княжевы воины,
А вот пойдут полосой посты,
Тогда, голубчики, – взвоете”...
Идёт – Микула по борозде,
Кричит на Савраску басом.
Шелом богатырский, на шест воздет,
Вознёсся над жбаном с квасом.
Князя Вольгу помянув недобром
(Чем бы вы тут кормились?),
С вечерней зарёй вернется в дом
Мужик.

Работяга.

Кормилец.

МАСТЕР

Светлой памяти В. М. Шукшина

I.

Может, под Можайском,
может, в Гжели
Жил мужик в почете и чести.
А чего же не в чести, ежели
Кружево из древа мог сплести
Топором единственным.
Ликом страшен,
Но мастак, хоть неказист притом.
Был его узором изукрашен
По округе каждый третий дом.
Всякий – на отличку. Мило-любо.
Рукоделье – выше всех похвал.
А ему-то всё казалось грубым,
Всё чего-то большего желал.
В ночь, когда роса в траву стекала
И привычно шар земной кружил,
Связанного Разина Степана
Вырубил из дерева мужик.
...Сонным прихватили атамана.
Били, до порога волоча.
Всумерть, до кровавого тумана
В помутневших Стенькиных очах.

До пупка распластана рубаха,
Рот ему порвал
какой-то Каин.
А в глазах уже маячит плаха
И топор палаческий сверкает...
Над талантом человек не властен,
Тот резонов признавать не хочет.
Поглядел и ужаснулся мастер
Им самим содеянного ночью.
И тогда в каком-то озаренье,
В час рассветный, заревой и росный,
Предал он огню свое творенье,
Обратив в каленых углей россыпь.
Выпив ввечеру, не то чтоб в стельку,
Пояснял всем встречным осторожно:
«Быть не может связанныго Стеньки,
Волю вольну повязать не можно!»

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

2.

Друг.

Приятель.

Знакомый.

Жена.

Как с ума посходили люди:

Ты читаешь про Шукшина?

Говорят, продолжение будет.

— Сделайте одолжение,

Какое там продолжение?!

А над Русью —

вороний гам.

Лес стоит прозрачный и ясный.

По российским рясным снегам

Стынут капли калины красной.

Остывают на ломком ветру

Недосказанные им были.

Мне давно он не по нутру —

Вой признания надмогильный.

Ночь.

В квартиру вошла тишина.

Как по кромке идёт.

По краю.

Не читаю про Шукшина,

Я его самого читаю!

СКЛАДЕНЬ

I.

Вся жизнь поэтов – знобкий неуют.
Ее у них до срока отбирают.
Их то наёмной пулей убивают,
А то при жизни – жизни не дают.
Вот стихотворцы, те имеют дом,
Где сладко естся. Ещё слапце спится.
Одна у них заботушка –
 не спиться б,
Не захлебнуться марочным вином.
Их широко при жизни издают,
Выходят их собранья сочинений,
В которых бойких строчек
 сочлененья
Они за глас народа выдают.
Угодничая,
 подличая, листя,
Преуспевает шустренъкое племя...
Проходят времена,
Приходит Время,
Всё расставляя по своим местам.

2.

Чёрный рынок –
Всех книжных издательств дары.
Только цены
К альпийским вершинам восходят:
Осип – «стольник»,
Марина – полсотни,
Борис – полторы.
И совсем раздевают
За «Нерв» обнажённый Володи...
А они эти строки
В сомненьях и мухах рожали,
Продирались к сердцам
Сквозь безверья,
Безвременья мрак.
Так издай же, Отчизна,
Миллионными их тиражами,
Чтоб не мог наживаться
На гениях наших маклак!

3.

Несыгранная роль. Куплет неспетый.
И рукопись, лежащая в столе...
Да есть за то хоть кто-нибудь
 в ответе
На многогрешной матушке-земле?
Не годы кульга. Не пора застоя.
Не черных «пташек» проклятущий век.
Не пароксизм чиновничьего строя.
А кто-нибудь конкретно? Имярек?
Гляжу и вижу,
Что, как прежде, князи
Нас поучают
С должностных вершин,
Все те, кого страшил
Шукшинский Разин
И Пугачев
Высоцкого страшил...

ПО ЯГОДЫ

1.

Ручей изливается в жалобах –
ябедник!

Бесшумно по ягелью, точно оглох,
Иду я на старый прабабушкин ягодник,
И мягко мне под ноги стелется мох.
Желтеет осколками солнца морошка,
Брусника таращится красным глазком.
Я – ягодник старый.

Для Сашки и Лешки,
Соседских мальчишек, я – вроде главком.
Раскатистым эхом звенит мое детство,
Хохочет измазанным ягодой ртом...
Мне десять всего,

как и этим младенцам?

Мне тридцать – уже? Или будет потом?

Ручей изливается в жалобах –
ябода!

Ты жалобам, Лешка, не очень-то верь...
И ягода,

рясная, спелая ягода...

Мы близко. И так далеко
мы теперь.

2.

На рынке ягоды навалом,
Курганами, на всякий вкус.
А я вдруг вспомнил, как, бывало,
Рукою тронешь росный куст –
И враз пронзит озноб колючий
И запах ягоды лесной.
А за кустами тренъкнет ключик,
Как колокольчик подрезной.
Малиной руки наши пахли,
Мы были счастливы с тобой,
И был такой простор распахнут
Пред нашей общею судьбой!
А ты тихонько напевала
И ягодки кидала в рот...
На рынке ягоды навалом,
Да вкус у ягоды не тот!

КОЧЕВЬЕ

I.

Завершалось кочевье
Таёжным пожогом,
корчевьем.
Горьким потом,
слезьми,
что роняли
В межу мужики.
Именуемы смердами,
Быдлом,
холопами,
чернью,
Поднимались всем миром,
Потуже стянув кушаки.
Им с лихвой отпустила
Судьбина и мора, и глада,
На капустных коченях
Взрастили,
С картохи сильны.
И телегу в кочевые
Мужик основательно ладил,
Коли худо на Волге –
За Волгою дали ясны...
Страсть к кочевью

Всю жизнь меня мучит
и гложет.
Я и строил,
и сеял,
Но манит дорога – привык.
Может, это судьба,
Что ж, бывает такое...
А может,
Заразил этой страстью
Мой предок, российский мужик.
Кочевое житьё
мне давно
по нутру и по нраву.
Я голями иду,
над Землей голубою лечу.
Из криниц ключевых
кочевую глотаю отраву,
И в природе
чудес
До конца разобраться хочу.

2.

Видно, плохо меня учили –
Научить ничему не смогли.
Полосою длинной, как Чили,
Мои тропы-дороги легли.
То бегом я по ним, то волоком,
Спотыкаясь и матерясь,
Сквозь поношенных валенок
войлок
Я с землёй ощущаю связь.
А «учители» не утихают, –
Вот привычку себе завели, –
Их советы меня настигают
Аж на самом краю земли...
Мол, живи
размеренно, чинно,
Не замай – и не будешь гоним...
Но они меня плохо учили,
Очень плохо! Спасибо им!

3.

Огород в тисках чертополоха,
Дом, где ждёт вас к ужину семья, –
Может, это в принципе неплохо,
Только это всё не для меня.
Я не задаюсь, не величаюсь, –
В кочевом житъе услады нет, –
То в седле, то на волне качаюсь,
То бегу за нартами вослед.
Плохо мне бывает, ох, как плохо,
Худо так порой – хоть волком вой.
Мало приспособлена эпоха
Для привольной жизни кочевой.
Но сбираясь в дальнюю дорогу,
Каждый раз уверен твёрдо я:
Там, за горизонтом, за порогом
Неоткрытый остров ждёт меня.

РАЗДУМЬЯ В ПОРУ СНЕГОПАДА

I.

...И мотало меня, и носило
По моей белоснежной России.
Я в тайге лес валил в сугробы –
Аж к спине прикипала роба.
Гнал по тундре собачьи упряжки –
Вот где было действительно тяжко!
Тропы бил по горным отрогам –
И всё это звалось дорогой,
Что давала мне новые силы
Вновь прийти на круги своя,
Потому что одна – Россия,
Как одна во Вселенной – Земля.

2.

...А первый снег похож на белый стих,
Такой же белый, тихий и прозрачный.
И падает-то он неровно как-то,
И замирает, с веток облетев.
В январский день снега сбиваются
в сугробы.
В жгуты свивает их февральский ветер.
В сосульки превращает хитрый март.
Апрель мазнёт по насту желтой кистью –
И почернеет, и осядет снег.
Так оседает шапка над квашнею,
Когда хозяйка переквасит тесто.
И вот звенят весенние ручьи,
И снег уходит в голубую Землю.
Ее я называю голубой и потому ещё,
Что космонавтам не доверять
Нет у меня причин.
Они ж в своих суждениях единды,
И утверждают все единогласно,
Что шар земной – росинки голубей!
А это – только снег, ушедший в землю,
Просвечивает сквозь земную корку...
Ведь он не умирает, а выходит
На белый свет лиловым колокольцем,
И синеглазым васильком во ржи,
И запахами рясного багула

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

По склонам сопок, сизых от ветров.
Приходит осень к нам,
А вместе с нею, как водится,
Приходит первый снег...
Но только он, конечно же, не первый.
Он тот же самый,
Просто вновь воскресший
Из синевы цветов и родников,
Морей и рек, подземных вод и радуг
И выбеленный щедро облаками,
Чтоб думали мы – это первый снег.
А он не первый – он очередной.
Ведь первого в природе очень мало,
И первые приходят раз в столетье,
В тысячелетье даже, может быть!..

3.

Свои у жизни заструги и надолбы —
Бывал я в чести, и не в чести.
За сорок повалило мне, и надо бы
Какие-то итоги подвести.
...А снег идёт. Идёт неутомимо.
Засыпал сад, одел в сугробы двор.
А часто ли вот так неукротимо
Я мог идти судьбе наперекор?..
Ты снизойди, судьба, к промашкам нашим.
Будь, память, справедлива и добра.
За жизнь свою богатства я не нажил:
Рюкзак да стопка книг — всего добра.
Ещё — друзья. Ну и враги, понятно.
Дочь, сын, жена. Жива старушка мать...
И есть что вспомнить. Хоть и неприятно,
По чести, кое-что мне вспоминать...
Пусть тиражи моих неброских книжек
Невелики. Но разве в этом суть?
Стремиться жить, а не стремиться выжить —
Я так земной определяю путь!

РУЧЬИ

1.

Ручей я пою. Но не весний,
Рожденный от солнца и снега,
В азарте сжирающий жизнь ему давший сугроб.
И солнцем убитый, и в землю забитый,
как в гроб,

Себя растерявший в запале бесцельного бега.
Подобных ручьёв пересохшее пыльное русло
С ветвями, камнями и сорной, промытой травой
Всегда поселяет тревожный в душе непокой,
Всегда наполняет мне сердце неясною грустью.
Иного ручья мне характер по сердцу и нраву:
Неспешно плывущего лугом, чащобой лесной,
Водою, пропахшей цветочной пыльцой
и сосной,

Поящего землю, и корни, и кроны, и травы.
Ручьи эти змейкой вовыются в любой уголок
И вдруг, обрываясь, уходят под землю глубоко.
И, кажется, нету ни устья у них, ни истока.
Пропал! Ах, пробился! И снова

свой воз поволок.
Он в звоне листвы свою тихую славу обрящет.
И в шорохах трав, и в наливе тяжёлых плодов.
Он их напоил, не щадя ни себя, ни трудов,
Живучий, живущий и животворящий.

2.

Не то чтобы не знал я слов.
Они живут во мне,
как океан в истоке
того ручья, что средь сырой осоки
свой путь торит
сквозь ночи и сквозь дни.
То пропадая средь стеблей густых,
То взблескивая в мареве тумана,
Торопится себя он донести
до берегов седого океана.
И если не судьба ему дойти
До вод больших,
коли сорвётся голос,
То пусть уж он останется в пути
Дождём рассветным,
напоившим колос!

3.

Буйным бубном
рекошет ручей,
Молодого восторга не пряча.
Бьёт тропу средь камней и корней,
Опьяненный весной и удачей.
Та удача — сосулька в руке.
Сколько ей там отпущенено веку!
Но ручей, умирая в реке,
Полноводнее делает реку.

АЛЁНУШКИНЫ СКАЗКИ

1.

При дороге камень
бел-горюч.
Из-под камня змейкой
въётся ключ.
В том ключе –
студёная вода,
Стариков-лесовичков
бесценный дар.
У того ли
у холодного ключа
Капля крови
на прибрежье горяча.
Падал сокол
в сине-белую полынь,
Алой кровью
эту землю опалил,
Я иду в лесу,
Пугая тишину.
Я ищу Алёнушки следы.
Я найду их,
Обязательно найду,
Как нашёл
Ручей живой воды.

2.

Алёнушка Иванушку кличет.
В сизом небе журавли курлычут,
Плачут, будто в поле полонянки,
Как слезой, росой омыты все полянки.
Идет Алёнушка лесами дремучими,
Ищет братца, как счастливого случая.
Случай слеп. Он бредёт к ней,
спотыкается,
На коряги, да пни натыкается.
Ловит случай руками воздух,
Головой задевает звёзды.
Звёзды падают на грешную землю
В остролистую болотную зелень.
А Алёнушке мнится Иванушка
Голубым огоньком над болотом.
И Алёнушка скакет по камешкам
И гадает – за которым поворотом?

3.

Катится яблочко по блюдечку,
Золотое летит по краешку.
Тоска мучит Алёнушку лютая –
Всё ей сняться глаза его карие.
А покатит яблочко и видятся
На пути-распутье добры витязи.
А под ними приседают кони,
Унося от вражеской погони.
Города ей видятся заморские,
Корабли под парусами алыми.
Слёзы точит-точит и замолкнет.
И забьётся в клетке птицей малою.
Катится яблочко по блюдечку,
Золотое летит по краешку.
Из-под никнувших ресниц
смотрит Людочка
На мираж, на дне его мелькающий.
Что ей видится, я не ведаю.
Только знаю – худое что-то.
Ночь падёт на землю черной ведьмою,
С хрустом сдвинутся кащеевы ворота,
Но пойдут Алёнушки и Людочки,
Вслед за милыми пойдут, не раскаются...
А Земля, как яблочко по блюдечку,
Золотая по орбите катится!

СКРИПКА

1.

*Памяти дяди Юры –
Ю. Теплицкого*

Вот дядя Юра скрипку достаёт
Из черного потёртого футляра,
Её освобождает от фуляра...
Еще чуть-чуть – и скрипка запоёт.
Та скрипичка, как девушка, стройна.
Янтарно-золотистою южанкой
Вошла в каморку, где отнюдь не жарко,
И разом обогрела всех она.
Вот дядя Юра скрипичку берёт,
А мы «стипёху» нынче получили,
И нам плевать пока, какой там в Чили
Переворот.

У нас-то – разворот.
Ещё чуть-чуть – и скрипка запоёт,
И кровь быстрее побежит по венам,
И в буйном вальсе закружится Вена,
И «Чардаш» Монти душу всколыхнёт.
А за окном февральской выюги плач,
А мы сидим посередине века
Минувшего.

Три юных человека

Трилистник

И вместе с нами старенький скрипач.
Мы жизнь не отмеряем на сто лет,
Но запах шкварок, чеснока и перца,
Сказать по чести, согревает сердце.
И запотел графинчик на столе.
И мы ещё не знаем, что нас ждёт
Там, за чертою зыбкой горизонта,
Спонтанно рассуждаем, не резонно
И водку пьём...

А скрипичка поёт...

2.

Была ли билетёрша столь растрогана,
То льшибко поредел в антракте зал...
Но я услышал Леонида Когана –
Мальчишкой на концерт его попав.

Над скрипкой бились лебеди – не руки.
Я познавал, что цвет восторга – ал.
И мне сердчишко холодили звуки,
Которые смычком он исторгал.

Весь мир я видел радужным и зыбким,
Озnobным и размытым, как рассвет...
Я понял: коль душа народа – скрипка,
Смычком – и только! –
Может быть поэт.

3.

Всегда тревожа и маня,
Меня пронзает пенье скрипки.
Как свет сынишкой улыбки,
То пенье трогает меня.
И нет мелодии конца,
Со струн смычок срывает звуки.
И словно лебеди – не руки
Несут её людским сердцам.
Так пой же, скрипка, не скорбя,
Об уходящих днях метельных,
Веди мелодию мятежно,
Чтоб люди поняли тебя.
Ты пой об утренних цветах,
О грусти первых расставаний,
Что ни годам, ни расстояньям
Любовь не обратить во прах!
И веру нашу не убить
В то, что искусство в мире вечно,
И высоко, и человечно,
И силам зла над ним не быть!

СТИХИ СЫНУ

1.

Растёт мальчиконка Ванечка
Затейником, забавничком.
И мать ему, и бабушки –
То песенки, то баечки,
Рубашечки да прянички,
Игрушки душке-Ванечке.
Их нежность не уместится
И в чаше океана...
А он в свои шесть месяцев
Уже глядит Иваном.

2.

Скоро лето придёт.
Мы в луга с тобой двинем,
Сыночек.
Мой Ивашка –
Глазасто-лобастое счастье мое.
Государство Трава –
Для тебя подходящая вотчина очень.
Много тезок твоих проживает в пределах её.
Я тебя познакомлю с цветком,
Что зовут Иван-чаем,
У Ивана-да-Марьи
Нам с тобой погостить предстоит.
На Ивана Купалу мы зорьку в лесу
повстречаем,
Поглядим, как орляк огнецветом
в потёмках горит.
Государство Трава
Добрый дядя открыл шутки ради.
Было дяде в ту пору пятнадцать
мальчишеских лет.
Это было давно.
А сегодня в дипломе у дяди
По графе «специальность»
Обозначено чётко – «Поэт».
Будто песни слагать – можно впрямь
обучить человека.

Может быть, он и стал
И умней, и ученей, чем был.
Пусть всё это и так,
Но за четверть минувшего века
Этот дядя других неизвестных земель
не открыл!

Государство Трава
Распахнет все врата для Иванов.
И Иванычам тоже на вход не наложен
запрет...

Вот как лето придёт, мы и двинем с тобой
утром рано

В ту страну,
Что открыта мальчишкой пятнадцати лет.

3.

«Хочу коаблик», – сын мне говорит.
Он мал. Он с буквой «р» ещё не ладит.
Добро, сынок! Коль у тебя горит,
Кораблик знатный мы с тобой изладим.
Таши-ка, братец, острый ножик мой,
А я покуда выберу дощечку.
Соорудим кораблик голубой
И пустим плавать в голубую речку.
Его подхватит лёгкая волна,
И ветер паруса его наполнит,
И буду я вознаграждён сполна
Тем, что кораблик детство мне напомнит.
И окунусь я в твой безгрешный мир
Тот, где лопатка значится «копаткой»,
Пределом счастья видится «пломбир»,
Воскресные катанья на лошадках,
Где карусели весело скрипят
И праздничны поющие качели,
Необъяснимо яблоки хрустят
И ёлки зажигаются в сочельник.
По бережку вприпрыжку сын бежит
За детством-кораблём, что уплывает,
На зыби чутким поплавком дрожит
И в бликах солнца безвозвратно тает.

4.

Пришла твоя четвёртая весна,
Мой сын, рождённый в феврале бурannом.
Уверенным движением весла
Апрель направил чёлн к брегам туманным —
Туда, где ждёт доверчиво Ассоль,
Надеждой и любовью веру грея,
Когда взойдёт над пенной полосой
Рассветным солнцем алый парус Грэя.
Тебе до сказки этой далеко,
Но ты смотри на зарево восхода.
Дыши, сынок, привольно и легко
Над малой речкой в пору ледохода.
Сбивай, сынок, с прибрежных верб пыльцу,
Умой в ручье лицо своё и руки,
Запоминай: мужчине не к лицу
Терять лицо перед лицом разлуки.

5.

Я стряхиваю с ворота
И шапки липкий снег,
И дышится мне молодо
Под Ванькин звонкий смех.
Мы в сказку – на салазках
Под горку во весь дух,
Нас примет мягко, ласково
Сугроба белый пух.
На саночках кататься,
Да чтобы не упасть?!

В сугробе искупаться –
Находитесь велась.
Отяжелели валенки,
По спинам пот бежит,
Но Ванька, хоть и маленький,
Но понимает жизнь!
Визжат салазки полозом,
Горит румянец щёк.
Мой сын сержантским голосом
Командует: «Ещё!»

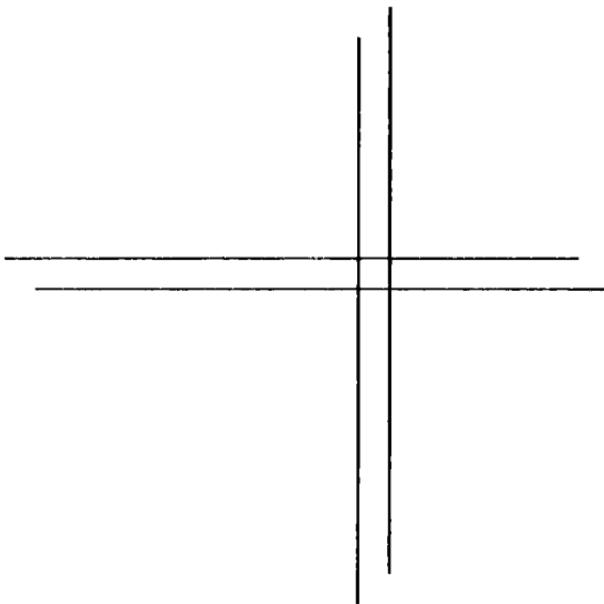
6.

Учись творить, а не копить добро –
Смысл жизни, право слово, только в этом.
Всё бренно – слава, золото, серебро –
Перед сердечным словом и приветом.
Творя добро, безмерно ты богат.
Копя его, ты остаёшься нищим.
У сундуков и каменных палат
Ты в час лихой сочувствия не сыщешь.
Всё бренно – слава, золото, серебро –
Перед сердечным словом и приветом...
Поверь же мне – смысл жизни только
в этом:
Учись творить, а не копить добро!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

ГЛАВА 4

НЕКОГДА НЕВЕДОМЫЕ СТРАНЫ

Некогда неведомые страны

ПРОСТО

Некогда неведомые страны,
В коих побывать и не мечталось,
Обрели реальность. Как ни странно,
Это очень просто оказалось.
Просто оказалось. Не накладно.
Не накладно, да и не натужно.
Просто жили мы не очень складно,
Просто жили мы не там, где нужно.

ПОЧВА

О почвах тех не скажешь, что тощи –
Их просто нет. Песок тут да каменья.
Но цепко в это вклещились хвощи,
Глубоко запустив свои коренья.
Прошло всего полвека. Боже мой!
Каким настырным надо быть народом,
Чтоб ЭТО стало почвой и судьбой,
Землёй, текущей молоком и медом.

Некогда неведомые страны

МОЛИТВА

Не о себе я, Боже сохрани,
Хоть о кончине, вроде,
думать рано.

Но я молю —
в бою оборони
Солдата Соломатова Ивана.

НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Я не скажу, что от восторга млел,
Окраины России расчищая.
Но вот живу я на Святой Земле,
И святости её не ощущаю.
Полно церквей, мечетей, синагог,
Кипа иль лапсердак на каждом третьем...
Но веры, истой веры,
видит Бог,
Я на Святой Земле, увы, не встретил.
Пусть я не знаю подноготной всей,
Но это мне увидеть не мешает,
Что всё, что заповедал Моисей,
Его народ исправно нарушает.
И поразмыслить мне пристало тут
Не о Грядущем, а о Сущем Хаме.
По-крупному воруют,
мелко врут.
И до хреня торгующих во Храме.

Некогда неведомые страны

* * *

Не сионист и даже не еврей:
Ни тем и ни другим
я сроду не был,
Но надо мной – израильское небо
И звёзды юга – северных добреи.
Я здесь живу.

Вполне благополучен.
Одет и сыт. Семья моя со мной.
Наверное, не надо жизни лучшей,
Но, Боже мой, как хочется домой!
Где холода, где голодно и сыро,
Где всё, что вспыхнет, беспробудно пьют...
Не думал никогда, что с «эфторой силой»
Меня воспоминания добыют.
Услышать бы, как плачет в поле выюга,
Как брякает щеколда у дверей...
Но я живу под знайным небом юга,
Не сионист и даже не еврей.

СЧАСТЬЕ

Счастлив оттого, что в жизни грешной
Довелось в кафешке посидеть.
Кружку пива выпить неспешно,
На изящных венок поглазеть.
С повзрослевшим сыном посудачить
Ни об чём. И вместе – обо всём.
А ведь всё могло бы быть иначе, –
Проклято пусть будет это «всё»...
Сказочна и необыкновенна,
Как морская тёплая волна,
Круг меня бурлит ночная Вена,
Музыкою Моцарта полна.

Некогда неведомые страны

* * *

Там, где припотевшие фиалки
Фройлен молодая продаёт,
Выстроились в очередь фиакры –
Каждый своего клиента ждёт.
А клиенты – сплошь одни туристы:
Шведы ль, турки ль –
Чёрт их разберёт!
Потны, суетливы и речисты –
Несамостоятельный народ.
Тот фиакр поедет, не помчится,
Вывезет он их к Дунай-реке,
И возница с ними объяснится
На плохом английском языке.
Он по вечной Вене их прокатит,
Краткий экскурс проведёт в пути.
Хочешь – в полдень, хочешь – на закате,
Всё равно вознице – лишь плати.
Целый день вершит круговращенье –
Высадит одних, возьмёт других...
Это – дорогое развлеченье,
Впрочем, не из самых дорогих.

ВЕНСКИЙ ЛЕС

Задождило.

Это уж как водится —
Под субботу. Льёт и льёт с небес.
Даже если и не распогодится,
Всё равно поеду в Венский лес.
Это даже к лучшему.

Стекают

С листьев капли

в сочную траву.
Музыкой лес полон и стихами.
На опушке я цветов нарву
И пойду по тропке неторопко.
В чаще ручеёк заговорил.
Чем не шутит черт —

вдруг эту тропку
некогда сам Штраус проторил.
Сломанную ветку как указку
Восприму уже почти всерьёз,
И всё глубже погружаюсь в сказку
Музыки божественной берёз.
Небо в тучах. Не видать просвета.
Полон лес видений и чудес.
Навсегда запомню: Вена, лето,
Штраус Иоганн и Венский лес.

В ДВОРЦОВОМ ПАРКЕ

Оксамит ухоженных газонов,
За оградой будний день шумит.
Во Дворцовом парке, что резонно,
Моцарт беломраморный стоит.
А резонно потому, что гений,
Надобен ему небес простор.
Он вперёд на много поколений
Волшебство таланта распостёр.
Левой – скрипку к сердцу прижимая,
Он ещё столетья простоит.
И неслышно музыка живая
В Вене несмолкаемо звучит.
Он насквозь просвещен солнцем ярким,
Музыка его у нас в сердцах.
Это славно, что стоит он в парке.
Гениям не место во дворцах.

ПИСЬМО МОЕМУ ПУДЕЛЮ

Джимми, пуделёк мой рыжий-прыжий,
Я тебе из Австрии пишу.
Я ещё покуда не в Париже,
Впрочем, я туда и не спешу.
Что в любви-то кляться мне без толку,
Только, видно, сняться неспроста –
Чёрный нос, растрёпанная чёлка
И метёлка рыжая хвоста...
Милый пёсик, скоро мне обратно –
Ты, товарищ верный мой, дождись.
Сообщаю: у твоих собратьев
В Вене вовсе не собачья жизнь.
Их в трамваи и в метро пускают,
Словом, им живётся хорошо.
Из кафе их тоже не гоняют,
Если кто с хозяином пришёл.
Впрочем, не должно и быть иначе.
И ещё скажу, не обалдей,
В Вене вовсе нет собак бродячих,
Но это уж зависит от людей.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Везувий знайный зев разверз
И пала в прах Помпей.
И дым поднялся до небес,
Клубясь и багровея.

И лавы огненный поток
Рванулся на равнину,
И всё, что живо было – сжёг,
По скальным склонам хлынув.

Горели храмы и мосты,
Кладбища и жилища.
Был славен град,
а стал пустырь...
Руины. Пепелище.

...Среди оплавленных камней
Брожу туристом. Лето.
И мысли странные во мне
Рождает место это.

Пусть в Лету канули века,
И грады, и народы,
Но я-то знал наверняка,
Что я – есмь царь природы.

Некогда неведомые страны

Я таковым уже давно
Себя провозгласил,
Над всем, что свыше мне дано,
Себя превозносил.

Стою с поникшей головой,
Мой гордый дух смущился, —
За годы многие впервые
Я в этом усомнился.

О СЛОВОТВОРЧСТВЕ

На берег Тибра как-то Цезарь вышел,
Точнее, въехал, горяча коня.
О том, что в Риме воры есть – он слышал,
Но мыслил: «Красть не станут у меня».
Подумав так, не стал коня треножить,
Поскольку конь тот к волюшке привык.
О, как наивны люди, святый Боже, –
Все – от простолюдинов до владык!
А Тибр в русле плыл прохладной лавой,
Суля всем неземную благодать.
Замечу в скобках, что уменье плавать
Равно было умению читать.
И наш герой, шагнувши в реку смело,
Гася водою полуденный пыл,
На стрежень и отважно, и умело
Саженками поплыл, поплыл, поплыл.
Когда же он, натешившись прохладой,
На берег вышел, пенный вал гоня,
Воскликнул с нескрываемой досадой:
– Вот, суки, всё же СТИБили коня!
Он в Пизе, по причине всем понятной,
Был сдержанней. Хвала ему и честь!
Но слово со значеньем адекватным
В «великом и могучем» всё же есть.

СИНИЕ РОЗЫ

Синих роз под солнцем нет.

P. Киплинг

Пышные синие розы
Цветут в цветниках Ламанчи.
Земля пропитана солнцем
И запахом спелых трав.
Подвига будь достоин,
Путь подвига так заманчив,
И Рыцарь Печального Образа
По-своему очень прав.

И пусть он смешон и жалок
В доспехах своих прержавых,
Но ветер повсюду кружит,
Крича, что он нужен, нужен,
Как воздух, как хлеб с водою,
Как небо с Полярной звездою
Тем, кто дорогу ищет.
Носится ветер, свищет...

Муза далёких странствий,
Меня упрекни в постоянстве:
Я вечно живу надеждой,
Что я такой же, как прежде,
Что снова готов я к бою

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

С мельницей ветряною.
Что в злато клинок не оправлен
И к ножкам ещё не прирос,
И как Дон Кихот я отравлен
Запахом синих роз.

* * *

Поющие фонтаны Барселоны
На площади с названьем позабытым.
Округ домов старинных – бастионы,
Плющом привядшим стены их повиты.
В урочный час ударят в небо струи,
И зазвучит музЫка неземная.
Стозвонны эти струи, словно струны,
С землёю небеса соединяя.
Поют, то возносясь, то опадая
В неоновом подсвете-разноцветье...
Я видел это. И теперь я знаю –
Есть чудеса ещё на белом свете.

МОНОЛОГ ДЕДАЛА

Мне в тягость повседневные дела.
Они, как поседевшие года,
Ведут меня дорогой в никуда.
Я – не Икар.
Я – тень его, Дедал.
Дедал, познавший мудрость высоты
Умеренной, с которой был на «ты».
Дедал, летящий к цели напрямик...
Икар же в волны канул,
будто крик
На диком, на угрюмом берегу.
Я память об Икаре берегу...
Он к солнцу устремился, мой Икар.
Да, он летал!
Но ведь и я летал
И продолжаю ныне свой полёт!
Но я погиб.
А вот Икар – живёт!

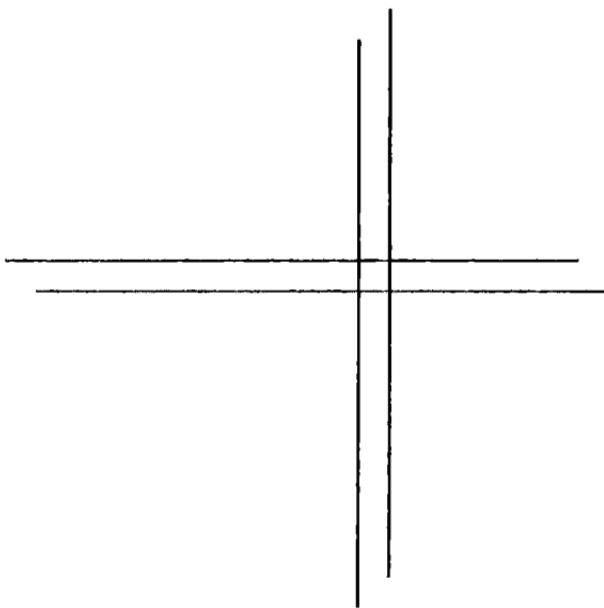
ГЕКЗАМЕТР ГОМЕРА

Ни зарева восхода, ни цветенья,
Ни голубя в прозрачной синеве,
Ни лених волн крутого колыханья
Не мог увидеть он – слепой Гомер.
Вот потому-то и любил у моря
Просиживать он долгие часы,
Прислушиваясь к рокоту прибоя
И чутко прикасаясь к мокрой гальке.
И ритмы моря, что вздыхало влажно
И всасывалось в голубой песок,
Ему размер поэмы подсказали.
Был тот размер безбрежен, будто море.
И заставлял сказать единым вздохом
Всё, что хотел бы ты сказать строкой.
Какие надо лёгкие иметь,
Чтоб с морем в унисон тебе дышалось!
А мы давно забросили гекзаметр,
И к морю отыхать, а не работать
 мы нынче едем.
И под шум прибоя читаем «Илиаду»,
 «Одиссею»,
И всё никак попасть не можем в ритм!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

ГЛАВА 5

КАМЧАТКА СЕВЕРОВНА

Камчатка Северовна

* * *

Даёшь камчатскую экзотику!
Покажь пареньские ножи,
Сиянья северного готику,
Торосов белые Кижи...
Так думал я, оставив берег,
Шагнув за синюю черту.
И рифмовалось «берег» с «Беринг»
В столичном аэропорту.
И всё казалось очень мило, —
Тут долго жить не думал я.
Да, видно, душу мне пронзила
Навек
 озябшая земля.
И не экзотикой цветистой
(Беда — один в окошке свет!),
Другим — возвышенным и чистым,
Чему и имени-то нет!

Камчатка. В редакции газеты "Путь Ильича"

Камчатка Северовна

КОЧУЮЩИЙ ПОЛУОСТРОВ

Камчатка кочует. Чаюет. Ночует
У тундровых
Мелких, неброских костров.
Камчатка всё знает.
Всё видит и чует,
И входит в сердца нам,
Как в наледь остол.
Оленьи стада – разлисиya по тундре,
В простуженном море её сейнера.
Порою нам горько,
Сегодня нам трудно.
А завтра труднее, чем было вчера.
Геологи бродят
По мшистым равнинам,
Радисты орут в ошелелый эфир.
И тонко, похоже на писк комариный,
В «Спидолы» к нам входит
Загадочный мир.
Мы вечно в походе,
Мы вечно в движенье
И летом,
И в лютую стынь января.
В дыханье одном и одном напряженье
Большое кочевье – Камчатка моя.

БАЛЛАДА О ВЫСТРЕЛЕ

Тайга пылала.

Корчились лесины.

От жара с треском лопались стволы.

И накатил огонь на след лосиной
Подобьем набегающей волны.

Трещал огонь.

Вскипали в руслах реки
И паром восходили до небес.

Быть может, вспомнил лось о человеке –
К деревне шёл он сквозь горящий лес.

А запах гари зверю резал ноздри,
И ветер дул, воздушный вал гоня.
Инстинктом чуя, что ещё не поздно,
Лось уходил всё дальше от огня.
Лось уходил.

И, словно в добродушной сказке,
К околице он вышел наконец.
И тут,

когда стоял он без опаски,
В подгрудье и толкнул его свинец...
Я верю – наш союз с природой вечен,
И на века он, а не на года.

Был браконьер
в обличье человечьем,
Но Человеком не был
никогда.

Камчатка Северовна

БАЛЛАДА О ДОБРОТЕ

В.Маликовичу

Начинаю балладу хвалебною песнею ветру,
Этот ветер сжигает нам кожу, огнём зажигая
сердца.

И над тундрой снега многотонными смерчами
вертит,
Как Келе, что на смертных в какой-то момент
рассерчал.

Ветер вымоет душу до блеска
весенних торосов,
Ветер выветрит грусть, будто выметет в
доме полы.
Он умеет ласкать задубевшие щеки матросов
И срывать с наших губ, пусть скучные, слова
похвалы.

На чаёвке любой я сегодня желанный-
желанный.
И меня принимают, и делят со мною костёр.
Тут живёт простота. Вымерзают тут ложь и
жеманность,
Это Север свирепый свою доброту распростёр.

Виктор Соломатов ◆ СВЕЧЕНИЕ

Вот который уж год я живу лишь такой
добротою,
Не способной унизить, способной понять и
помочь.
Я иду по земле, под луною, дождём налитою,
И готовой пролить этот дождь на полярную
ночь!

КАРАГА

«Кар-рага!» —

каркнет чем-то
рассерженный ворон!

«Кар-па-гах!» —

глухо ухнет над уловом лёд.
Понаддали собачки.

Въезжаю в посёлок, в котором

Закадычный мой кореш,

Володька-учитель живёт.

Он и примет, и чаем согреет калёным,

Он и спирту плеснет: — Пей!

С дороги-то, ясно, продрог...
Я люблю и зимою,

и летом камчатским зелёным

Приходить на его

небогатый, но щедрый порог.

Кукули мы раскинем —

мешки из оленевого меха.

Помолчим перед сном,

слыша вопли пурги под стрехой.

...Мне-то что?

Если что, я могу и уехать,

Ну а он — не уедет.

Я знаю, что он не такой.

«Кар-рага!» —

каркнул чем-то

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

рассерженный ворон.
«Кар-ра-гах!» —
ухнул гулко над уловом лёд.
Понаддайте, собачки!
В Карагу мы въезжаем, в которой
Друг мой ситный,
Володька-учитель живет.

Камчатка Северовна

* * *

Ах, Камчатка Северовна, строго
Привечаешь ты своих сынов.
Предстоит им долгая дорога,
Будет лихо, к лиху будь готов!
Грянет сумасшедшая путина,
Дни – когда ни ночи нет, ни дня.
Будет суггировальная паутина
Оплетать, опутывать меня.
Вырастут сомнения в тревоги,
И волненье смутное – в тоску.
И волгарь молчком взгрустнёт о Волге,
И киргиз припомнит Иссык-Куль.
Уезжаем. Надо нам уехать.
Ты нас оставаться не проси.
В аэропорту Эдита Пьеха
Нам «Иду за солнцем» пробасит.
А под южным солнышком горячим,
В душной толчее билетных касс,
Встретившись, глаза смущённо прячем –
Принимай, Камчатка, блудных нас!

ВМЕСТО КОЛЫБЕЛЬНОЙ

Искр в полуночной мгле – пропастища.
Языкатое пламя
Разметал по стоянке костёр.
Сколько верст до Луны?
Может, сотни, а может, и тыщи?
Ночь стоит над костром,
Как большой прокопченный котёл.
Тихо-тихо.
Недвижима мгла и пространна.
Голос ветра повис,
Ночь, как омут, темна.
Разметавшись на нарах,
Спят вповалку ребята
После жаркой работы,
Где было совсем не до сна.
Наломались как черти,
Катая тяжёлые бочки.
Не нужны им ни деньги,
Ни губы любимых девчат.
Спят ребята и спят.
А тумана белёсые ключья,
Словно тени кунгасов,
По глади залива скользят.

Камчатка Северовна

* * *

В тундре весной запахло.
Слышите, запахло весною!
В снежевые шубы запахнутые,
Горы изнывают от зноя.
Сугробы как-то осунулись,
К солнцу кедрач пробился.
И в розоватые сумерки
В табуне каюю¹ родился.
– Будет владыкой тундры, –
Бригадир расплылся в улыбке.
А оленёнку трудно,
Земля ему кажется зыбкой.
Первый подснежник камчатский
В материнское вымя тычется.
Ножки не держат, качается
Будущее Их Величество.
И пусть ещё ветры задуют,
Бригаду лишая сна...
В тундре родился каюю –
Значит, пришла весна.

1 каюю – олененок (корякс.)

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Что нужно мне, когда я одинок?
А мне в тот миг всего сильнее нужно,
Чтоб дружбы нашей дальний огонёк
Костром пылал. Дрова б трещали дружно.
Чтоб твёрдо знать, коль трудно –
не грусти:
Костры друзей всегда – твои костры!

Камчатка Северовна

ПОВАР

И. Кошелеву

Королем бифштексов с гарниром,
Вермишлей, борщей и каш
Возвышается он над миром –
Рыбкооповский повар наш.
В час обеденный у раздатки
Можем мы лицезреть его:
– Как, ребятки, «рубон» в порядке?
А в ответ стоголосо: «Ого!»
Аппетит у парней завидный,
Что на стол ни подай – сметут.
Повар пот вытирает – видно,
Королевский нелегок труд.
Вкусно?
Вкусно!
А он это знает,
Не такой уж он и простак.
И державной короной сияет
Белоснежный его колпак!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

* * *

Перемелется всё,
перекрутится,
Как пшеница между жерновами.
В мае к нам приходит распутица,
Ближе к осени – сельдь
жировая.

И живём. Хлеб жуём с икрою,
Что ядреней октябрьской
клюквы.

Чайки нас отчаянно кроют,
Разевая крепкие клювы.
Провоняли рыбой кунгасы –
Многотрудное время настало.
Море звёзды небесные гасит
И морскими выносит на скалы.

Камчатка Северовна

БЕЛОНОЧЬЕ

Ощущаю душой
Приближение белых ночей.
Ослепительный блеск
Ослепительно синих очей.
И не свет, и не мрак –
Полусвет,
полуночь, полудень,
Белоночье моё –
полусон, полуянь,
полутень.

А по белой ночи
Синей лодкою месяц плывёт.
И размытое солнце
Над тундрой корякской
встаёт.

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

РОМАНТИКА

Тугим крылом
мечты моей коснись,
Романтика – серебряная птица!
А волны – снизу вверх
и сверху вниз,
И в кубрике подвахтенным не спится.
Романтика!
Тельняшка на груди,
Пороховая синь наколок броских...
А ночи штурмовые впереди
И встречи на рыбакских перекрёстках.
И адov труд – не разогнуть спины,
И соль морская,
и своя – от пота...
Мы накрепко в одном убеждены:
Романтика – серьезная работа.

Камчатка Северовна

ИЗВИНЕНИЕ ПЕРЕД СУШЕЙ

Окаян – океан!
То закрутит, то снова отпустит.
То ласкает,
То с маxу в скользу корабля.
Мы мечтаем о самом земном –
О капусте.
О краях, где не слышали жители
Слова «моря».
Где рассвет,
Пусть не очень красив,
Но спокоен.
Где березы глядятся
В холодные стёкла окон.
Где мальчишки кричат
Предвечерней порою:
– По коням! –
И в ночное уносится
Их удалой эскадрон.
В тех краях воздух пахнет
Не солью сырью, а хлебом,
Испеченым в огромной печи на поду.
Там живет
Разнотравья таинственный лепет –
Это значит с полей
Ветерок ненастоком подул...
Окаян – океан!

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

То закрутит, то снова отпустит.
То ласкает,
То с маху в скулу корабля...
А потом нам об этом,
Я знаю,
Припомнится с грустью.
И – опять океан,
Ты прости нас, земля.

Камчатка Северовна

* * *

Ты в дорогу мне с порога
Помаши-помахай,
Прежде чем упряжку трогать,
Натяну малахай.
Торбаса подтяну я,
Боком в нарту
Ввалиюсь.
— Кох!
И псы потянули.
Не грусти, я вернусь!
Растворяется в тундре
Ломкий нартовый след.
Здесь бывало мне трудно,
Голодал тут и слеп.
Но я верю в свиданье
В этой белой глухи.
Только ты на прощанье
От души помаши!

БАЛЛАДА О ВОЖАКЕ

Четверо суток гуляла пурга
И трое суток ещё.
Тундра к пришлым людям строга,
Мы дням потеряли счёт.
Сначала лезли мы сквозь пургу,
Сквозь мягкий и белый ад.
А после сказал я проводнику:
— Давай повёрнем назад.
Отверг проводник, мотнув головой,
И закричал на собак.
И был ответом жалобный вой —
Поднялся один вожак.
Он был в снегопаде красив как черт!
Он знал лучше нас, где дом.
И всё рассчитал он, и всё учёл
Собачьим своим умом.
Старик-проводник добивал собак
Ударами топора.
Вожак скулил — он сквозь липкий мрак
Видел: придет пора,
Когда мы поднимем слепой топор,
Голодные, на него,
И он не увидит ни синих гор,
И вообще ничего...
Он вывел к избушке.
Огонь в камельке.

Камчатка Северовна

Сосульки срывались с бород.
Собачий суп клюкотал в котелке,
Обжигая голодный рот.
Но, когда на третью неделю — пурга
И припасы сошли на нет,
Проводник поманил к себе вожака —
Тот лишь улыбнулся в ответ.
Хозяин снял с плеча карабин,
И все пять расстрелял в упор.
И странно: вожак стоял, как был.
А в глазах егостыл укор.
О том, что случилось
с проводником,
Не завожу разговор.
Был он слишком хорошим стрелком,
Чтобы промазать в упор.
Мы пили красный, расплавленный снег,
Не знаю, выжили как.
Но тронуть никто вожака не посмел.
И выжил с нами вожак.

ДОРОГА

У нас опять нелётная погода,
Уж скоро месяц света не видать.
Под серой простынёю небосвода
Нам только чуда
Остаётся ждать.
Над бухтой – и над тундрой –
Злая хмара.
И ладно хоть, что нету комара.
И хлюпают,
посапывая,

марии,

В объятьях стиснув наши трактора.
Нет почты.
Сигареты на исходе.
Над казаном бранится вяло кок.
Но через марии всё же мы проходим
По тяжелейшей в мире из дорог.
И каждый раз,
В рассвет шагнув с порога,
Мы видим в тусклой синеватой мгле:
Прямая, как стрела,
Лежит дорога –
Наш след на лютой
Северной земле.

Камчатка Северовна

* * *

Я приехал оттуда,
Где выюги, как белые волки,
Глухо вторят ночному
Собачьему вою.
Где мороз хладнокровно
Вгоняет под ногти иголки,
А у жителей местных,
Превыше богов, почитается Ворон.
Куткиннякку зовут
Хитромудрого этого бога,
До сих пор ему малые жертвы
Коряки приносят.
Но от тундровых троп
Пролегла, извиваясь, дорога
В край тайги,
В золотую приморскую осень.
От привычек былых
У меня ничего не осталось.
Я от встречных авто
Вдруг шарахаться начал.
Я, на белой тропе
Позабывший про слово «усталость»,
Я дышу и живу,
Ощущая снегов твоих талость.
Золотое Приморье,
А ты не суди меня строго,

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

Видно, мне не хватает
Безбрежья заснеженных далей,
И того Куткиннякку –
Простецкого, в общем-то, бога,
Обложившего сердце
Весьма ощутимою данью.

Камчатка Северовна

ТАЕЖНИК

Володе Федюнину

Он рассказывает, рассказывает,
Он рассказывать не устает,
Он заплечный мешок развязывает
И еду из него достаёт.
Ненормированную, невешанную –
Подходи и бери любой –
Подаренья лобастого лешего:
Мясо, пахнущее тайгой,
И тяжёлые, как гранаты,
Шишки в наледи янтаря,
Ягодинок капли агатовые –
Все в дыхании января...
И щедрот его не убавится,
Хоть до крохи всё раздаёт.
Раздаёт,
 да еще улыбается,
И рассказывать не устаёт!

* * *

Евгению Сигареву

Почему, опустив глаза,
Нынче слушаю выюги вой?
И скучаю, как тундра, слеза,
И тоска моя снова со мной.
Я поездил.

Я видел свет.
Отчего ж позабыть не могу
Тот лучистый олений след,
Проступивший на мокром снегу?

Камчатка Северовна

УХОДИМ

Упругого ветра пронзительный альт,
Зелёной воды дурман.
Мокрыми пятнами на асфальт
Садится синий туман.
Встает из-за сизых от холода гор
Солнца оранжевый блин.
И, курс держа в солёный простор,
Плыют дома-корабли.
Соляркой, йодом и рыбой пропах
В старом порту причал.
И на тяжёлых ладонях-волнах
Нас океан укачал.

ШЕЛОМАЙНИК

Вцепился в камни лишайник –
Его оторвёшь не вдруг,
Стоит стеной шеломайник,
Тугой и прямой, как бамбук.
Мясистые эти стебли
За лето солнце спалит,
И сквозь поредевшие стены
Придёт человек-исполин.
Придёт обычный, но всё же,
Способный на волшебство,
И острый пареньский ножик
Войдёт в шеломайника ствол.
И звонкая дудка родится
В умелых руках его,
И голосистою птицей
В тундру впорхнёт волшебство.
Тундра, не надо шаманить,
Твой я – который год,
Коль уж простой шеломайник
Так о тебе поёт.

Камчатка Северовна

КАМРАДЫ

Анатолию Гайденко

Как рады мне мои камрады,
Как я моим камрадам рад,
Когда в сиянье тысяч радуг
Я заявляюсь в столенный град.
Столица всё-таки! Столица!
Не то, что нашенская глушь!
Уж я воздам себе сторицей
За одиночество, за грусть,
За бег по шаткой, хлипкой гати,
За липкий пот на перекате...
На столик падает, как ливень,
Люминесцентный мёртвый свет,
Уж скатерть мы вином залили,
А разговору что-то нет.
– Ну, как ты там?
– Да так... Вы рады?
– Конечно! По одной?
– Давай...
Камрады вы мои, камрады,
А я так рвался в этот рай!

ТАГАМ

— Тагам!² — проору я
своей мохнолапой упряжке.

Позёмка рванётся,
ударит хлыстом по ногам.
Отчаевали.

Прикончили фляжки.
Тагам, мохнорылые!

Только тагам!
К солёной воде,
через белые заструги тундры,
К зелёным торосам, к ветвистым оленым
рогам...

— Тагам, дорогие!
Вам, знаю, приходится трудно.
Не легче и мне.

Ну, тагам, бедолаги! Тагам!..
Хочу, чтоб всегда
неостывшее слово звучало,

Врезаясь, как выстрел,
в собачий неистовый гам.

Всему есть конец.
У поэзии только начало,
Рожденное властным, гортанным призывом:
— Тагам!

2 Тагам — вперед (корякск.)

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ: ОТ ВОСТОКА ДО ВОСТОКА...	5
ГЛАВА 1. ОТЧЕСТВО	17
ОТЧЕСТВО	19
МОЁ ПОКОЛЕНИЕ	20
КОГДА-НИБУДЬ...	21
СВЕЧА ПАСТЕРНАКА	23
ПОРТРЕТ	25
ЧТО ЗАНЕСУ В СВОЙ ЖИЗНЕННЫЙ АКТИВ?	27
КОЛОДЕЦ	28
УТВЕРЖДАЛИСЬ ИДЕАЛЫ	29
УЖ СКОЛЬКО РАЗ МЕНЯ НА КОМПРОМИСС	30
ТАК ЖИВЕМ	31
БАЛЛАДА О СЛУЧАЕ	32
В ОЧЕРЕДИ ЗА ВИНОГРАДОМ	32
МЕДАЛЬ	35
СТАРЫЙ ФИЛЬМ	36
СЕСТРЁНКА	37
В ТОТ ДЕНЬ	38
ПРЕДЧУВСТВИЕ	39
ФЛЯГА	41
СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ	42
МЫ РОСЛИ БЕЗ ДОГЛЯДА	43
ПАМЯТЬ	45

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

ЛЮБЛЮ РАССКАЗЫ О ЛИХИХ АТАКАХ	46
СНЕГА СОРОК ПЕРВОГО	47
9 МАЯ 1945 ГОДА В ХАБАРОВСКЕ	49
ВОПРОС	50
РАЗОЖМИ ПЕРСТЫ	51
БАЯН	52
КОГДА МЫ, В ТУМАНЕ МЕТАФОР БЛУКАЯ	55
ДАВНО МЕЧТАЮ СОЧИНİТЬ СТИХИ	56
КРИЧИМ ВОЗБУЖДЁННО И ИСТОВО	57
ЧТО СЧАСТЬЕ?	58
ШАГНИ ЗА ЧЕРТУ	59
АХ, ОСЕНЬ В ПРИАМУРЬЕ! ДЛЯ МЕНЯ	60
ПАХНЕТ СВЕЖЕСТЬЮ ВЕШНЕЙ СЫРАЯ ЗЕМЛЯ	61
ЗЕМЛЯ МОЯ СУРОВА И НЕЖНА	62
«ПОЕХАЛИ!»	63
ПЕРВОПРОХОДЦЫ	64
ПО СТВОЛАМ – ВОДОПРОВОДНЫМ ТРУБАМ	65
УЧИТЕЛЬ	66
ВОСПОМИНАНЬЕМ ЮНОСТИ ТУМАННОЙ	69
ВСЁ ПОТОМУ...	70
ГРИБНАЯ ПОРА. ЗАПАХ СЫРИ И ПРЕЛИ	71
ОСТАВШИЕСЯ В ЛИТЕРАТУРЕ	72
ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	73
ХОЗЯИН	74

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

СПИТ ПЕТРОГРАД	75
ГАРАЖАМИ ПОТЕСНЁН	76
БОРОДАТЫЙ, ВИХРАСТЫЙ, ЛОБАСТЫЙ	77
Я РАД, ЧТО МНЕ, А НЕ КОМУ-НИБУДЬ	79
ЧАША	80
ГЛАВА 2. ГОДОВЫЕ КОЛЬЦА	82
ГОДОВЫЕ КОЛЬЦА	82
В ЯНВАРСКИХ ГНЕЗДАХ ПУСТОТА И СТЫНЬ	84
ПОДНЯЛСЯ НАД ПОДЛЕСКОМ СТАРЫЙ КЕДР	85
ВОРОБЕЙ	86
ИЗВЕСТНЫЙ ПУТАНИК И ВРАЛЬ	87
ГНЕЗДО	88
ПРЕДЧУВСТВИЕ	89
РОДНИК	90
ПРИГРЕВШИСЬ НА ПРИГОРКЕ, МАРТ УСНУЛ	91
СНЕГОПАД НА ДВОРЕ	92
ОТБУШЕВАЛ В КАНАВАХ И ОВРАГАХ	93
МЕДВЕДЬ	94
ОТ КРАСНОТЕЛА РОЗОВЕЮТ СКЛОНЫ	95
В ЛЕСУ	96
АПРЕЛЬ	97
МАЙ	98
ВЕСЕННЯЯ РАСКОВАННОСТЬ СТИХА!	100

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

МЫ ПОМНИМ ЛЕДОСТАВ И ЛЕДОХОД	100
ЗЕМЛЯНИКОЮ СПЕЛОЙ ПРОПАХЛИ ЛУГА	101
ГРОЗА	102
К ИСХОДУ ЛЕТА ПОСПЕШАЮТ ДНИ	103
ИЮЛЬ – МАКУШКА ЛЕТА. ЛУГ ПАРИТ	105
КОТОРЫЕ СУТКИ ДОЖДИ И ДОЖДИ	106
ШУШУКАЮТСЯ КАМЫШИ	107
АВГУСТ ГУСТО РАНЕТОМ УСЫПАЛ САДЫ	108
ГРУЗДЕЙ РОЗЕТКИ, НАЛИТЫЕ ВСКЛЕНЬ	109
УБЕГАЮТ РЕЧКИ ОТ МОРОЗОВ	110
ОСЕНЬ НЕЗАБЫТАЯ МОЯ	111
ПОЖАР	112
НАБЕГ	113
ОЗОРНИК-МАЛЬЧИШКА, ТЁПЛЫЙ ВЕТРОВЕЙ	114
СЕНТЯБРЬ ДОБАВИЛ	115
ВОРОБЬИ НА ВЕТВЯХ, КАК НАБУХШИЕ	116
ЯСНЫМ СВЕТОМ МЕНЯ ОСЕНИ	117
ОСЕННЯЯ ОХОТА	118
ЛЕБЯЖЬЕГО ПУХА БЕЛЕЕ	120
ПИСЬМО	121
ПРЕДЗИМЬЕ	122
ЗАТЕЙЛИВ ИНЕЙ, КАК РЕЗЬБА КАРНИЗОВ	123
В ТАЙГЕ – ЗИМА	124
ПОХОЖИЕ НА ВЫСОХШИЕ ВЕТВИ	125

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

ШИШКИ ЕЛОВЫЕ	126
НОВОГОДНЯЯ ВЕЧЕРИНКА	127
ГЛАВА 3. ТРИЛИСТНИК	128
ОПЯТЬ ДОМА	129
ОСЕННИЕ ЭТЮДЫ	132
АНАТОЛИЮ КОБЕНКОВУ	135
ПЕТУХИ	137
РОСОЙ ХОЛОДНОЮ УМОЮСЬ...	138
...И ПОНЯЛ Я	141
КОГДА ПОЭТ СТИХОВ НЕ ИЗДАЁТ	144
НЕЧАСТО ОН ПРИХОДИТ, ЭТОТ ЧАС	145
В ПОРУ ОЖИДАНЬЯ СНЕГОПАДА	146
СВЕЧА	147
ВСЯ ЖИЗНЬ МОЯ – СПЛОШНОЕ ФУЭТЕ	148
ЕЩЁ ЛЕСА ПО-ЛЕТНЕМУ ОПРЯТНЫ	149
СНОВА ПАДАЮТ ЗВЁЗДЫ НА ЗЕМЛЮ	149
МНЕ МИЛ СЕНТЯБРЬ ГОРОДСКИХ ОКРАИН	150
ПОГОВОРИМ О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ	151
ЗЕМЛЯНИКА ДЕТСТВА	151
В ГОРОДСКОМ САДУ ИГРАЕТ...	153
У ЛЮБВИ МОЕЙ НЕСКЛАДНО	154
Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ПОЙМИ МЕНЯ	155
ОПЯТЬ НАД ТУНДРОЙ ЛЕБЕДИ ТРУБЯТ	156

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

КАЧНИСЬ, МОЯ ДАЛЁКАЯ ЗВЕЗДА	157
СПРОСИ МЕНЯ, КАК Я ЖИВУ	158
ЗДРАВСТВУЙТЕ! КАК ПОЖИВАЕТЕ?	159
СЛУЧИЛОСЬ НЫНЧЕ ПРИПОЗДАТЬ ВЕСНЕ	160
ВОЛХОВАЛА КУКУШКА В ЗАПОВЕДНОМ ЛЕСУ	162
ДА, У МЕНЯ КРАСАВИЦА ЖЕНА	163
Я И РАД БЫ СОЛГАТЬ	164
ТЫ СЧИТАЕШЬ, НАМ НЕ НАДО	165
ОБЕЩАЛИ	166
<i>MAME</i>	169
СКОМОРОХИ	172
ОЗОРНЫ МУЖИКИ	174
ЗЕМЛЯ БОГАТЫРСКАЯ	175
ПОТОК	175
ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ	177
МИКУЛА	179
МАСТЕР	180
СКЛАДЕНЬ	183
ПО ЯГОДЫ	186
КОЧЕВЬЕ	188
РАЗДУМЬЯ В ПОРУ СНЕГОПАДА	192
РУЧЬИ	196
АЛЁНУШКИНЫ СКАЗКИ	199
СКРИПКА	202

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

СТИХИ СЫНУ	205
РАСТЁТ МАЛЬЧОНКА ВАНЕЧКА	205
СКОРО ЛЕТО ПРИДЁТ	206
«ХОЧУ КОАБЛИК», – СЫН МНЕ ГОВОРИТ	208
ПРИШЛА ТВОЯ ЧЕТВЁРТАЯ ВЕСНА	209
Я СТРЯХИВАЮ С ВОРОТА	210
УЧИСЬ ТВОРИТЬ, А НЕ КОПИТЬ ДОБРО	211
ГЛАВА 4. НЕКОГДА НЕВЕДОМЫЕ СТРАНЫ	212
ПРОСТО	213
ПОЧВА	214
МОЛИТВА	215
НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ	216
НЕ СИОНИСТ И ДАЖЕ НЕ ЕВРЕЙ	217
СЧАСТЬЕ	218
ТАМ, ГДЕ ПРИПОТЕВШИЕ ФИАЛКИ	219
ВЕНСКИЙ ЛЕС	220
В ДВОРЦОВОМ ПАРКЕ	222
ПИСЬМО МОЕМУ ПУДЕЛЮ	223
ВЕЗУВИЙ ЗНОЙНЫЙ ЗЕВ РАЗВЕРЗ	224
О СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ	226
СИННИЕ РОЗЫ	227
ПОЮЩИЕ ФОНТАНЫ БАРСЕЛОНЫ	229
МОНОЛОГ ДЕДАЛА	230

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

ГЕКЗАМЕТР ГОМЕРА	231
ГЛАВА 5. КАМЧАТКА СЕВЕРОВНА	232
ДАЁШЬ КАМЧАТСКУЮ ЭКЗОТИКУ!	233
КОЧУЮЩИЙ ПОЛУОСТРОВ	235
БАЛЛАДА О ВЫСТРЕЛЕ	236
БАЛЛАДА О ДОБРОТЕ	237
КАРАГА	239
АХ, КАМЧАТКА СЕВЕРОВНА, СТРОГО	241
ВМЕСТО КОЛЫБЕЛЬНОЙ	242
В ТУНДРЕ ВЕСНОЙ ЗАПАХЛО	243
ЧТО НУЖНО МНЕ, КОГДА Я ОДИНОК?	244
ПОВАР	245
ПЕРЕМЕЛЕТСЯ ВСЁ	246
БЕЛОНОЧЬЕ	247
РОМАНТИКА	248
ИЗВИНИЕ ПЕРЕД СУШЕЙ	249
ТЫ В ДОРОГУ МНЕ С ПОРОГА	251
БАЛЛАДА О ВОЖАКЕ	252
ДОРОГА	254
Я ПРИЕХАЛ ОТТУДА	255
ТАЕЖНИК	257
УХОДИМ	259
ШЕЛОМАЙНИК	260

Виктор Соломатов ♦ СВЕЧЕНИЕ

КАМРАДЫ

261

ТАГАМ

262

Главный редактор: Борис Теплицкий

Редактор: Раиса Теплицкая

Графический дизайн и верстка: Елена Уманская

Тел.: 052-5595070, 054-7536128

E-mail: tupress@gmail.com

Сайт : www.tupresshaifa.com

ISBN 978-965-7583-27-2

© Виктор Соломатов, “Свечение...”, Хайфа, 2015

© TUPRESS, Хайфа, 2015

The background image shows a wide-angle landscape of a hilly terrain. The foreground is dominated by large, reddish-brown boulders and rocks. In the middle ground, there's a slope covered in low-lying vegetation and more rocks. The sky above is filled with soft, grey clouds.

ISBN 978-965-7583-27-2

A standard one-dimensional barcode is positioned vertically in the center of the book cover. It encodes the ISBN number 978-965-7583-27-2.

9 789657 583272